

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
8 August 2017
Russian
Original: English

Совет по правам человека**Тридцать шестая сессия**

11–29 сентября 2017 года

Пункт 4 повестки дня

**Ситуации в области прав человека, требующие
внимания со стороны Совета****Доклад Независимой международной комиссии
по расследованию событий в Сирийской Арабской
Республике****Резюме*

На всей территории Сирийской Арабской Республики по-прежнему царит насилие, что является вопиющим нарушением основополагающих принципов международного гуманитарного права и права прав человека и сказывается прежде всего на гражданском населении всей страны. На протяжении отчетного периода воюющие стороны продолжали устанавливать блокады и использовали гуманитарную помощь как инструмент подрыва жизнеспособности системы снабжения гражданского населения и средство принуждения к капитуляции. Условия местного перемирия в городах Фуах и Кафрая (север провинции Идлиб), в Мадае (сельские районы провинции Дамаск), а также в Барзе, Кабуне и Тишрине (восток провинции Дамаск) включали в себя соглашения об эвакуации, которые привели к насильственному перемещению гражданского населения из этих районов.

Террористические группы «Хайат тахрир аш-Шам», «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) и вооруженные боевики совершали нападения на представителей религиозных меньшинств путем подрыва автомобилей, использования террористов-смертников или снайперов и захвата заложников. Наиболее уязвимыми группами были внутренне перемещенные лица и дети. Очевиднее всего это было в районе Ар-Рашидин города Алеппо, где жертвами подрыва автомобиля стали перемещенные гражданские лица из ранее осажденных городов Фуах и Кафрая (где проживают в основном мусульмане-шииты): от взрыва погибли 96 человек, в том числе 68 детей.

В контролируемых оппозицией районах правительственные силы продолжали практику применения против гражданских лиц химического оружия. К самым тяжелым последствиям привело применение сирийскими военновоздушными силами зарина в Хан-Шайхуне (Идлиб), в результате чего погибли десятки людей, по большей части женщины и дети. В провинциях Идлиб, Хама, восточной части Гуты и Дамаске сирийские войска использовали в качестве

* Приложения к настоящему докладу распространяются в том виде, в котором они были получены, только на языке оригинала.

оружия хлор. Кроме того, сирийские и/или российские войска продолжали совершать нападения на больницы и медицинских работников.

Комиссия серьезно обеспокоена воздействием авиаударов международной коалиции на гражданских лиц. Нанося авиаудар по мечети в деревне Аль-Джина (Алеппо) войска Соединенных Штатов Америки в нарушение норм международного гуманитарного права не приняли всех возможных мер предосторожности для защиты гражданского населения и гражданских объектов. В провинции Ракка в связи с продолжающейся наступательной операцией Демократических сил Сирии и международной коалиции по освобождению захваченных ИГИЛ территорий перемещено было более 190 000 человек; кроме того, по сообщениям, значительное число гражданских лиц погибло и получило ранения в результате авиаударов коалиции. Проводится расследование.

Содержание

	<i>Стр.</i>
I. Введение	4
II. Изменения в политической и военной области	4
III. Нападения на гражданское население	7
A. Осада	7
B. Религиозные меньшинства как объекты нападений и заложники	11
IV. Воздействие конфликта на детей	14
V. Нападения на охраняемые объекты	14
A. Культовые объекты	14
B. Медицинские учреждения	17
VI. Применение химического оружия	19
VII. Текущие расследования	21
VIII. Выводы	22
IX. Рекомендации	23
Annexes	
I. Map of the Syrian Arab Republic	26
II. Inquiry into allegations of chemical weapons used in Khan Shaykhun, Idlib, on 4 April 2017	27
III. Life under siege and truces	38

I. Введение

1. В настоящем докладе, представляемом в соответствии с резолюцией 34/26 Совета по правам человека, Независимая международная комиссия по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике излагает свои выводы по итогам расследований, проведенных с 1 марта 2017 года по 7 июля 2017 года¹.
2. Комиссия использовала методологию, основанную на передовой практике комиссий по расследованию и миссий по установлению фактов.
3. В основе содержащейся в докладе информации лежат результаты 339 собеседований, проведенных как в рассматриваемом регионе, так и из Женевы.
4. Комиссией были собраны, рассмотрены и проанализированы материалы спутниковой съемки, фотографии, видеозаписи и медицинские отчеты. Также были рассмотрены сообщения от неправительственных организаций и правительств, равно как и доклады Организации Объединенных Наций.
5. Критерий доказанности считался соблюденным, если Комиссия получала достоверную информацию, которая давала разумные основания полагать, что произошедшие инциденты соответствуют описанию, а нарушения были совершены установленной воюющей стороной.
6. Расследования Комиссии по-прежнему серьезно затруднены по причине отказа в доступе на территорию Сирийской Арабской Республики.

II. Изменения в политической и военной области

7. За отчетный период существенно выросли темпы политических и военных изменений. В результате возникли две различные тенденции: одна наблюдается в западной части и связана с соглашением о деэскалации, заключенным 4 мая в рамках переговоров в Астане тремя странами-гарантами (Иран (Исламская Республика), Российская Федерация и Турция), а другая отмечается в центральной и восточной частях страны, где «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) продолжает стремительно терять контроль над обширными территориями. В некоторых местностях, в частности в провинции Идлиб, западной части Алеппо и (в последнее время) в южной провинции Дераа, в результате заключения соглашения по деэскалации масштабы вооруженного насилия сократились. Тем не менее в оставшихся двух областях — на востоке провинции Дамаск и севере провинции Хомс — ситуация остается нестабильной. За пределами районов деэскалации, на территориях, которые удерживаются или ранее удерживались ИГИЛ, гражданские лица, в частности внутренне перемещенные лица, сталкиваются с ростом масштабов насилия, поскольку различные стороны отчаянно пытаются установить контроль над этими районами.

8. В начале июля в Астане состоялся пятый раунд переговоров с целью согласовать порядок осуществления договоренностей в зонах деэскалации и разработать механизмы контроля, которые могут включать в себя привлечение полиции или вооруженных сил трех стран-гарантов. Хотя соглашение в Астане не подписали ни правительство Сирийской Арабской Республики, ни оппозиция, последняя по-прежнему выступает категорически против развертывания иранских войск в целях контроля. Технические комитеты, сформированные в рамках этого соглашения, продолжают обсуждать условия его осуществления, а на начало августа запланирован очередной раунд переговоров. В ходе следующего раунда указанные условия необходимо будет конкретизировать и приступить к их выполнению при поддержке гарантов. Предшествующие соглашения о прекращении огня показали, что дефицит механизмов правоприменения повышает

¹ В состав Комиссии входят Паолу Сержиу Пиньейру (Председатель), Карен Кёнинг Абу-Заяд и Карла дель Понте.

вероятность очередного ухудшения положения и возврата к прежним уровням насилия.

9. Специальный посланник Генерального секретаря по Сирии Стаффан де Мистура, который присутствовал на последнем раунде переговоров в Астане, подчеркнул, что процессы в Астане и Женеве являются «взаимодополняющими действиями», преследующими единую цель – поддержать усилия по прекращению огня. В мае и июле Специальный посланник провел два раунда переговоров. В ходе майского раунда правительство Сирийской Арабской Республики и оппозиция согласились обсудить «четыре корзины» вопросов, в том числе вопросы политических преобразований, конституционной реформы, выборов и борьбы с терроризмом. Последний на данный момент раунд внутрисирийских переговоров завершился в Женеве 15 июля. Несмотря на настойчивые усилия Специального посланника, прямые переговоры не были проведены, а разногласия между сторонами по-прежнему остаются значительными. Правительство Сирийской Арабской Республики настаивает на том, чтобы до начала любого обсуждения переходного процесса был рассмотрен вопрос борьбы с терроризмом, в то время как оппозиция уделяет первоочередное внимание обсуждению политического переходного процесса, в соответствии с резолюцией 2254 (2015) Совета Безопасности. Восьмой раунд Женевских переговоров запланирован на сентябрь.

10. 7 июля Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки было достигнуто соглашение о прекращении огня, распространяющееся на южные провинции Дераа, Эль-Кунейтра и Эс-Сувейда. Это соглашение направлено на обеспечение гуманитарного доступа и предусматривает создание наблюдательного центра по регистрации нарушений режима прекращения огня. С момента вступления в силу соглашения военные действия в трех этих провинциях уже заметно сократились.

11. Хотя на переговорах в Астане и Женеве был достигнут определенный прогресс, значение этого прогресса нивелируется недостатком эффективных правоприменительных механизмов и отсутствием более общего соглашения сторон по вопросу о приоритетах в более широком политическом контексте. Комиссия постоянно призывает к проведению всеобъемлющего политического процесса и установлению на всей территории страны режима прекращения огня, выходящего за рамки местных соглашений.

12. В военном отношении линии фронта на западе Сирийской Арабской Республики, особенно вокруг областей деэскалации в провинциях Дераа, Идлиб, восточной части провинции Дамаск и северной части провинции Хомс, остаются в целом неизменными. При этом в северной части провинции Хама правительственные войска и связанные с ними ополченцы начиная с апреля предпринимают все новые попытки восстановить контроль над районом «стратегического треугольника», в который входят города Кафр-Зайта, Мурек и Аль-Латаминах. Попытки продвижения по этой территории сопровождались массовыми авиаударами по указанным городам, а также по соседним районам южной части провинции Идлиб, где 4 апреля в городе Хан-Шайхун была совершена операция с применением химического оружия². Если за этим треугольником будет установлен контроль, то правительственные войска Сирийской Арабской Республики и связанные с ними ополченцы получат стратегическое преимущество над вооруженными группами в Идлибе.

13. В Идлибе гражданское население подвергается значительно более высокому риску насилия в связи с сочетанием различных факторов, включая увеличение числа внутренне перемещенных лиц и столкновения между различными вооруженными группами. За последние три месяца эпизоды таких столкнове-

² 7 апреля в ответ на химическую атаку в Хан-Шайхуне войска Соединенных Штатов нанесли удар крылатыми ракетами по военно-воздушной базе Шайрат, с которой, по утверждению Соединенных Штатов, вылетел совершивший химическую атаку самолет.

ний заметно участились; в частности, наблюдается противостояние между объединением экстремистских группировок «Хайат тахрир аш-Шам», во главе которого стоит террористическая группировка «Джабхат фатх аш-Шам» (ранее известная как «Джабхат ан-Нусра»), и группировкой «Ахрар аш-Шам» и другими связанными с ней организациями. Посредством прямых столкновений, похищений и убийств два этих объединения борются за контроль над различными областями провинции Идлиб. Кроме того, эти объединения конкурируют за вербовку в свои ряды новых бойцов, в том числе эвакуированных из ранее осажденных районов. Перемещенные представители гражданского общества, в том числе члены местных советов и гражданские активисты, по причине своего инакомыслия тоже сталкиваются с возросшим числом угроз и арестов, особенно со стороны членов «Хайат тахрир аш-Шам». Хотя число авиаударов в Идлибе снизилось, Комиссия по-прежнему чрезвычайно обеспокоена внутренним положением в этой провинции, поскольку масштабы и интенсивность столкновений возрастают именно в тех областях, где, по оценкам, без надлежащей гуманитарной помощи проживает порядка миллиона внутренне перемещенных лиц.

14. Кроме того, большинство внутренне перемещенных лиц в районах, контролируемых правительством, вооруженными группами или террористами, по-прежнему сталкиваются с трудностями в получении гуманитарной помощи по причине нецелевого использования этой помощи и отсутствия доступа к ней. В некоторых районах последствия односторонних санкций, а именно повышение цен и сокращение ассортимента важнейших товаров на местных рынках, еще больше ослабили возможности гуманитарных организаций по оказанию помощи.

15. В отличие от западной части страны во всех остальных районах за последние три месяца линии фронта кардинально изменились. За пределами зоны деэскалации правительственные войска Сирийской Арабской Республики и связанные с ними ополченцы стянули войска, чтобы отвоевать у ИГИЛ обширные территории, лежащие в центральных и восточных районах страны, прежде всего в провинциях Алеппо, Хомс и Ракка, вплоть до восточных рубежей провинции Дейр-эз-Зор. Отвоєванные за последнее время территории простираются до стратегических участков сирийско-иракской границы. В этих обстоятельствах 18 мая и 6 июня Соединенные Штаты нанесли авиаудары по колонне проправительственных войск в стратегическом регионе Ат-Танф вблизи границ Иордании и Ирака, что, по всей видимости, привело к эскалации напряженности в этом районе, за который уже шло активное противоборство.

16. За последние несколько месяцев Демократические силы Сирии достигли значительных успехов в борьбе с ИГИЛ в Ракке – столице самопровозглашенного государства этой террористической группировки. Демократические силы Сирии, в состав которых входят курдские войска, а именно Курдское народное ополчение (КНО), а также различные связанные с ними группы, в том числе Свободная сирийская армия и племенные формирования, установили контроль над отдельными районами Ракки и успешно ведут осаду города. Уличные бои между Демократическими силами и ИГИЛ становятся все ожесточеннее, а вместе с тем десятки тысяч гражданских лиц оказались заперты в осажденном городе. Около 200 000 внутренне перемещенных лиц бежали из города на территории, контролируемые Демократическими силами Сирии. Комиссия обеспокоена судьбой 50 000–60 000 гражданских лиц, которые по-прежнему не могут покинуть Ракку.

17. Хотя в результате подписания соглашения о деэскалации в Астане масштабы насилия несколько сократились, сирийский конфликт остается крайне неоднородным и в разных частях страны развивается совершенно по-разному. Расширение участия внешних субъектов, несомненно, открывает определенные возможности для достижения мира на местах, однако при этом оно сеет раздор, поскольку задачи этих субъектов диаметрально противоположны. Эти задачи нередко связаны с более широкими региональными или международными инте-

ресами, далекими от интересов сирийского народа, хотя именно последние должны преобладать в процессе прекращения конфликта и укрепления мира.

III. Нападения на гражданское население

A. Осада

18. Ведение осадной войны сказывается на гражданских лицах еще тяжелее, чем любая другая тактика, применяемая воюющими сторонами в ходе конфликта. В настоящее время более 600 000 сирийских мужчин, женщин и детей по всей стране по-прежнему не могут покинуть осажденные районы и нередко живут в крайне тяжелых условиях. В течение рассматриваемого периода воюющие стороны в провинциях Дамаск, Риф-Дамаск, Дейр-эз-Зор, Хомс и Идлиб продолжали осаждать находящиеся в окружении населенные пункты, используя поставки гуманитарной помощи для находящегося в осаде гражданского населения как инструмент принуждения к капитуляции. Эти эпизоды осады характеризуются тем, что в осажденные анклавы на ежедневной основе не допускаются поставки жизненно важных продуктов питания, медикаментов и других предметов первой необходимости; кроме того, во время осады осуществляются как неизбирательные, так и целенаправленные удары по объектам гражданской инфраструктуры, включая больницы, что подрывает жизнеспособность населения, живущего под контролем противоборствующих сторон. В результате такой тактики население лишается прав на свободу передвижения, достаточное питание, доступ к образованию и доступ к медицинскому обслуживанию, а во многих случаях и права на жизнь.

19. За отчетный период в результате заключения местных договоренностей о перемирии, включающих в себя соглашения об эвакуации (которые рассматриваются ниже), осада нескольких объектов была снята. Так, в апреле 2017 года началось осуществление соглашения, изначально обсуждавшегося в сентябре 2015 года и известного под названием «Соглашение о четырех городах», в отношении городов Мадая, Эз-Забадани (провинция Риф-Дамаск), Фуах и Кафрая (провинция Идлиб). Переговоры по соглашению о четырех городах с вооруженными группами были проведены под эгидой третьих государств, которые помогли сторонам договориться. Кроме того, в мае проправительственные должностные лица и посредники, с одной стороны, и члены вооруженных групп и/или представители местных советов – с другой, согласовали и реализовали договоренности о перемирии в Барзе, Тишрине и Кабуне (восточная часть провинции Дамаск). Условия осады, в которых живет гражданское население этих населенных пунктов, кратко описаны в приложении III, которое также содержит подробную информацию о переговорах и положениях указанных соглашений. Все вышеупомянутые договоренности о перемирии включали в себя соглашения об эвакуации, которые привели к вынужденному перемещению из этих районов тысяч гражданских лиц.

1. Государственное примирение

20. Когда в четырех указанных городах, а также в Барзе, Тишрине и Кабуне полностью прекратились военные действия и вступили в силу договоренности о местном перемирии, проправительственные силы заставили некоторых людей из ранее осажденных районов участвовать в процессе примирения, сделав это условием их дальнейшего пребывания в данных районах, в то время как другим людям возможности примириться не дали. Основой для примирения является Законодательный указ № 15, принятый в июле 2016 года и включающий положения об амнистии для всех лиц, которые решат сдаться и сложить оружие, в том числе лиц, скрывающихся от правосудия. В число таких лиц, как правило, входят боевики и гражданские лица, находящиеся в розыске за переход на сторону противника или дезертирство.

21. По сути, процесс примирения позволил правительственным силам разделить население по признаку лояльности той или иной стороне; так, мужчины боепригодного возраста, как правило в возрасте от 18 до 45 лет, были отнесены к одной из двух категорий: первая – бойцы вооруженных групп и находящиеся в розыске лица, которые не могут оставаться в данной местности, поскольку в этом случае им грозит задержание; и вторая – лица, которые согласны проявлять лояльность правительству. Второй группе лиц разрешено остаться, однако их принудительно записывают в местные силовые подразделения, подведомственные Национальным силам обороны, или в полувоенные формирования, либо по прошествии полугодового срока уведомления направляют на линии фронта в составе сирийской армии. В Барзе некоторых мужчин боепригодного возраста, по сообщениям, в течение двух недель записали в местное подразделение под названием «Твердыня нации».

22. Тем не менее среди гражданских лиц возможность примириться была дана не всем. Так, в Мадае возможность примирения не была предоставлена медицинским работникам в связи с их медицинской деятельностью. Гражданских лиц, которые могли остаться в Мадае, обязали заверить отпечатками пальцев свои заявления о лояльности правительству, при этом у некоторых из них также проверили анкетные данные. Аналогичным образом, по словам гражданских лиц, в Барзе в число жителей, которым не предложили примирение, входили члены местного совета, сотрудники гуманитарных организаций, активисты и родственники боевиков. Гражданское население Барзы, которому предоставили возможность примирения, прошло ту же процедуру, что и в Мадае. Кроме того, гражданское население этих районов сообщало о перечнях лиц, которым не предложили примирение, поскольку они находились на стороне оппозиционных групп. В результате процесса примирения как такового были перемещены и боевики, и оппозиционно настроенные группы гражданского населения, причем перемещение это приняло форму организованной эвакуации.

2. Соглашения об эвакуации и вынужденное перемещение

23. Соглашения между проправительственными силами и вооруженными группами (достигнутые при содействии третьих государств) в отношении четырех вышеуказанных городов, а также Барзы, Тишрина и Кабуна, предусматривали эвакуацию определенного числа боевиков и гражданских лиц. Стороны немеждународного вооруженного конфликта не вправе давать распоряжения о перемещении гражданского населения по причинам, относящимся к конфликту, если этого не требуется в силу необходимости обеспечить безопасность соответствующих гражданских лиц или в силу настоятельных причин военного характера³.

24. Исключение, относящееся к безопасности гражданского населения, может быть обосновано, например, соображениями недопущения того, чтобы гражданские лица подвергались серьезной опасности. Перемещение по гуманитарным соображениям не разрешается в случаях, когда приведший к такому перемещению гуманитарный кризис, например голод, был вызван противоправным поведением самой воюющей стороны⁴. Кроме того, гуманитарное обязательство по эвакуации из районов конфликта раненых и больных действует во всех случаях, а не только в определенный соответствующими соглашениями период эвакуации⁵. Аналогичным образом эвакуация гражданского населения в

³ Международный комитет Красного Креста (МККК). *Обычное международное гуманитарное право. Нормы*. Том I. Норма 129 b).

⁴ См. International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991, *Prosecutor v. Milomir Stakić*, appeals judgment, IT-97-24-A, 22 March 2006, para. 287.

⁵ МККК, *Обычное международное гуманитарное право*, норма 109.

силу военной необходимости не должна оправдываться политическими мотивами⁶.

25. 14 апреля из Мадаи на 60 автобусах выехало примерно 2 350 человек; их доставили в район автобазы Рамусех города Алеппо, а затем в Идлиб. В тот же день 5 000 человек выехали на 75 автобусах из Фуаха и Кафраи в направлении района Ар-Рашидин в западной части Алеппо (см. пункты. 39–43 ниже). 19 апреля в Идлиб отправились еще 11 автобусов, которые перевозили участников военных действий и гражданских лиц из Мадаи, Эз-Забадани и соседних районов, в результате чего Эз-Забадани полностью обезлюдел. В тот же день еще 3 000 участников военных действий и гражданских лиц были эвакуированы в Ар-Рашидин из Фуаха и Кафраи.

26. В восточную часть Дамаска 8, 12 и 20 мая в три этапа были эвакуированы участники военных действий и гражданские лица из Барзы. 12 мая все участники военных действий и гражданские лица были эвакуированы из Тишрина. В Кабуне эвакуация проходила в два основных этапа: на первом этапе, 14 мая, людей вывезли на 70 автобусах, на втором – на 80 автобусах. За этими этапами 15 мая последовала эвакуация более малочисленных групп – по 20 автобусов на каждую. В итоге Кабун покинуло примерно 6 000 боевиков и гражданских лиц. Условия местного перемирия были доведены до сведения мирного населения 12 мая; согласно этим условиям на эвакуацию им отводилось всего несколько дней.

27. Правительственные силы и вооруженные группы планомерно отказывали раненым и больным мирным жителям и участникам военных действий в гуманитарной эвакуации до капитуляции (перемирия) и проистекающего из нее распоряжения об эвакуации; эвакуация осуществлялись только в тех редких случаях, когда между четырьмя городами согласовывался обмен пленными. Так, мирные жители Кабуна вспоминают, что раненых переносили по туннелям, соединяющим Кабун с восточной частью города Гута в провинции Дамаск, причем периодически в туннель было не попасть по причине внутренних столкновений между повстанческими группировками.

28. Гражданские лица, с которыми беседовали члены Комиссии, подтверждали, что их решение об эвакуации из ранее осажденных районов по сути не было добровольным, и уехать они согласились, поскольку «других вариантов не было». Женщины и дети в основном следовали за мужчинами – главами домохозяйств. В Мадае мирные жители подчеркнули, что они не хотят покидать свои земли и собственность, однако недостаточно доверяют правительственным силам, чтобы остаться. Некоторые женщины из Мадаи, например, сообщили, что основными причинами, по которым они не согласились на примирительный процесс, были опасения в том, что их сыновья могут быть призваны на военную службу, и общее недоверие к правительственным силам. Другие мирные жители сообщали, что все те же опасения, вынудившие их уехать в Идлиб, затрудняют и осуществление их права на возвращение. Эти мирные жители опасаются репрессий, насилия или помещения под стражу, отмечая, что не вернутся в свои дома, даже если им дадут такую возможность, причем некоторые из них даже не надеются когда-либо вернуться. Кроме того, некоторым стало известно о том, что их дома были разграблены или присвоены проправительственными силами.

29. Аналогичным образом в Кафрае опрошенные жители рассказали, что уехать им пришлось по причине осадного положения, хотя они и хотели остаться. Одна из опрошенных вспоминала, что ее дети все сильнее страдали от недоедания, а другой сообщил, что отъезд мирного населения был спровоцирован ростом числа военных операций и вспышек заболеваний, которые в ином слу-

⁶ См. ICRC, *Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949* (Geneva, 1987), para. 4854.

чае можно было бы предотвратить. Кроме того, опрошенные жители Кафраи выразили сомнение в том, что смогут вернуться в свои дома после эвакуации.

30. В контролируемых оппозицией районах местные советы нередко заключали меморандумы о взаимодействии с вооруженными группами, чтобы разграничить сферы ответственности и подтвердить свои полномочия в качестве выборных должностных лиц квазигражданских органов управления. Несмотря на это, ни политические лидеры (например, представители местных советов), ни военные командиры (например, бойцы проправительственных сил или вооруженных групп) не обладают необходимыми полномочиями для заключения соглашений об эвакуации от имени отдельных гражданских лиц⁷. Кроме того, хотя некоторые гуманитарные организации в разных качествах и участвуют в организации эвакуации (например, Сирийское арабское общество Красного Полумесяца участвовало в эвакуации из Мадаи и Тишрина), само по себе их участие не делает законным скрывающееся за такой эвакуацией насильственное перемещение⁸.

31. Эвакуируя к границе провинции Идлиб гражданских лиц (в том числе врачей, гуманитарных работников, активистов, представителей гражданского общества и членов местных советов), которые являются или считаются сочувствующими оппозиционным группам, правительственные силы, возможно, следуют заранее разработанной военной стратегии: перемещение населения в таких обстоятельствах позволяет удалить и самих активистов оппозиции, и поддерживающих их лиц, переселив их в одну и ту же область на северо-западе Сирийской Арабской Республики. В своих домах разрешают оставаться только тем гражданским лицам, которым предлагают заявить о лояльности правительству в форме примирительной процедуры. В целом план эвакуации, выполняющийся на всей территории страны, как представляется, направлен на принудительное изменение политической демографии ранее осажденных анклавов путем перекраивания и укрепления основ политической поддержки.

32. Как показывает совершенное 15 апреля нападение на колонну в Ар-Рашидине (см. пункты 39–43 ниже), эвакуация является крайне опасным и рискованным мероприятием. Гражданским лицам, эвакуированным из Мадаи, Барзы, Тишрина и Кабуна, разрешили взять с собой совсем немного вещей; кроме того, их не довезли до выбранных пунктов назначения и не обеспечили удовлетворительными условиями по части крова, гигиены, медицины, безопасности и питания как в пути следования, так и по прибытии в Идлиб.

33. Некоторых людей, которых везли из Мадаи и Барзы, первоначально разместили в школах Идлиба, плохо подготовленных к их приему. Других впоследствии переселили в переполненные лагеря для внутренне перемещенных лиц или населенные пункты в сельских районах Идлиба, условия в которых один из эвакуированных охарактеризовал как «ужасные». В то время как гражданское население на всей территории провинции Идлиб продолжает подвергаться бомбардировкам, страдает от недостатка помощи и сталкивается с последствиями активизации внутренних распрей между вооруженными группами (см. пункт 13 выше), пунктами назначения для эвакуированных из проправительственно настроенных городов Фуах и Кафрая стали подконтрольные правительству районы провинций Хомс, Тартус и Латакия.

34. Кроме того, правительство, по сообщениям, принимает законодательные меры для изъятия имущества у инакомыслящего населения, а также разработало правовые и административные меры с целью воспрепятствовать регистрации или сохранению частной собственности перемещенными лицами. Согласно недавним указам Президента, при регистрации и оспаривании права собственности

⁷ См. International Tribunal for the Former Yugoslavia, *Prosecutor v. Mladen Naletilić, aka "Tuta" and Vinko Martinović, aka Štela*, trial judgment, IT-98-34-T, 31 March 2003, para. 523.

⁸ См. *Prosecutor v. Milomir Stakić*, appeals judgment, para. 286; см. также *Prosecutor v. Milomir Stakić*, trial judgment, IT-97-24-T, 31 July 2003, para. 683.

сти на землю на всей территории страны требуется личное присутствие. Требование личного присутствия при регистрации права собственности на землю или оспаривании права собственности приводит к тому, что защита имущества становится практически непосильной задачей для многих внутренне перемещенных лиц и беженцев. Подобные правовые и административные инструменты могут использоваться и для принуждения отдельных групп населения к примирению под угрозой утраты собственности. Однако такие меры могут иметь и обратный эффект, а именно приводить к еще более явной утрате гражданских прав значительными группами населения и осложнять будущую работу по урегулированию конфликта, а в конечном счете и по примирению.

35. Для каждого мирного жителя, которому не дали возможность свободно принять решение о самом факте перемещения или пункте назначения, соглашение об эвакуации равносильно незаконному приказу. Нет никаких свидетельств того, что к любому из эпизодов эвакуации были применимы допустимые исключения, относящиеся к обеспечению безопасности гражданских лиц или настоятельным причинам военного характера. Следовательно, в распоряжении об эвакуации инкаомыслящего населения из Мадаи и Барзы, постановлении об общей эвакуации из Фуаха и Кафраи и распоряжении об эвакуации всего гражданского населения из Тишрина и Кабуна присутствует состав военного преступления насильственного перемещения. Комиссия получила противоречивую информацию о присутствии гражданских лиц в Эз-Забадани во время эвакуации.

В. Религиозные меньшинства как объекты нападений и заложники

36. Как и правительственным силам, вооруженным группам в ходе конфликта удалось мобилизовать определенную поддержку, что выразилось в нарастании напряженности на религиозной почве и привело к проявлениям насилия с религиозной подоплекой в отношении гражданских лиц. Эту напряженность усилило появление террористических и экстремистских вооруженных групп. За отчетный период террористические и вооруженные группы продолжали действовать по ранее отслеженным схемам, а именно осуществлять умышленные нападения на гражданских лиц (включая значительное число женщин и детей), относящихся к религиозным меньшинствам, а также брать в заложники представителей религиозных меньшинств.

37. 11 марта в середине дня у кладбища Баб ас-Сагир – известного места паломничества шиитов, расположенного к югу от старого центра Дамаска, прогремело два взрыва. Взрывные устройства сработали с интервалом в 10 минут на стоянке кладбища, где находились перевозившие паломников автобусы. Первое устройство было приведено в действие проезжавшим мимо автобусом. Когда начали прибывать машины скорой помощи, а к пострадавшим стянулись спасатели, террорист-смертник взорвал второе устройство, в результате чего погибли другие паломники и несколько спасателей.

38. Всего в результате обоих взрывов погибли 44 гражданских лица, в том числе 8 детей, а ранения получили 120 человек, причем несколько женщин и детей — крайне тяжелые ранения. Большинство убитых и раненых были шиитскими паломниками из Ирака, которые направлялись на кладбище Баб ас-Сагир и близлежащую святыню Саеда Зейнаб. Также в результате террористического акта погибло 13 сирийцев, в основном спасателей. На следующий день ответственность за теракт взяла на себя организация «Хайат тахрир аш-Шам», заявив, что ее целью были иранские ополченцы и правительственные силы. Комиссия не обнаружила никаких фактических данных, подтверждающих это заявление.

39. Рано утром 14 апреля эвакуированные жители Фуаха и Кафраи (см. пункты 19 и 25 выше) прибыли в контролируемый оппозицией район Ар-Рашидин на окраине удерживаемой правительством западной части города Алеппо. Они провели там весь следующий день, пока воюющие стороны решали свои внутренние разногласия. Эвакуированные вспоминали, что при отъезде из Фуаха и Кафраи боялись садиться в автобусы, поскольку перед этим боевики открыли огонь и ранили двух женщин.

40. Во время стоянки в Ар-Рашидине эвакуированные получили весьма ограниченное количество еды, поэтому, когда около 15 ч. 00 м. из некоего серебристого автомобиля начали раздавать сухие пайки, вокруг него сразу столпились десятки детей. Примерно через полчаса подъехал синий фургон, и эвакуированные, в основном женщины и дети, бросились к нему, думая, что в нем тоже привезли еду. Однако в действительности через несколько секунд фургон взорвался, и от взрыва погибли по меньшей мере 96 человек, в том числе 68 детей и 13 женщин. Ранения получили 276 человек, в том числе 42 ребенка и 78 женщин, по меньшей мере одна из которых была беременна. Пока люди с криками разбегались от места взрыва, некоторые прохожие выкрикивали в адрес пострадавших шиитов оскорбления религиозного содержания. Одна женщина, муж которой повел обоих сыновей за едой к серебристой машине, рассказывала, что помчалась к месту взрыва, как только услышала его, однако боевики заставили ее вернуться к колонне. Впоследствии она узнала, что ее 10-летний сын скончался.

41. Хотя подавляющее большинство жертв взрывов в Ар-Рашидине составили эвакуируемые из Фуаха и Кафраи, убито было также не менее 10 боевиков. Пострадавшие были доставлены в больницы населенных пунктов Баб эль-Хава (Идлиб), Эль-Атариб (Алеппо), Акрабат (Идлиб), Саракеб (Идлиб) и Тавед аль-Кемнах (Алеппо). Хотя оставшиеся эвакуированные ничего не знали о судьбе своих семей, вечером 15 апреля их перевезли из Ар-Рашидина в Джибрин (Алеппо). В Джибрине эвакуируемые сообщили государственным органам имена пропавших без вести людей, и в итоге некоторые из раненых воссоединились с семьями. Пропавшими без вести до сих пор числятся по меньшей мере 46 человек, включая одного трехлетнего мальчика.

42. Хотя немалое число пропавших без вести лиц, по всей вероятности, до сих пор находятся в больницах, известно, что по меньшей мере одну группу из 17 шиитов, в том числе пожилых людей и детей, сразу после прохождения лечения в полевых госпиталях западной части Алеппо взяли в заложники боевики. Некоторых заложников освободили после продолжительных переговоров при условии обмена на старшего командира боевиков, однако в плену по-прежнему остаются не менее 15 человек, включая одного четырехлетнего ребенка.

43. Ответственность за нападение в Ар-Рашидине не взяла на себя ни одна из сторон, причем организации «Хайат тахрир аш-Шам» и «Ахрар аш-Шам» прямо отрицали свою причастность. Хотя для установления виновных не хватает данных, имеются убедительные свидетельства того, что нападение было совершено вооруженными группировками или отдельными боевиками. очевидцы сообщили, что взорвавшийся голубой фургон прибыл с удерживаемой оппозицией территории, а место стоянки автоколонны находилось под контролем ряда вооруженных групп, в том числе «Нур ад-Дин аз-Зенки» (в то время входившей в состав «Хайат тахрир Аш-Шам»), «Ахрар Аш-Шам» и групп Свободной сирийской армии. Кроме того, использование самодельных взрывных устройств в автомобилях на протяжении этого конфликта в первую очередь отличает именно экстремистские группировки и некоторые вооруженные группы. С учетом большого числа жертв среди гражданского населения, особенно среди детей, становится ясно, что мишенью для этого нападения было именно шиитское мирное население из Фуаха и Кафраи, а значит, оно равнозначно военному преступлению умышленного нападения на гражданских лиц.

44. 18 мая боевики ИГИЛ совершили нападение на город Акариб эс-Сафия и попытались также напасть на близлежащую деревню Аль-Манбуджа в сельских районах провинции Хама. Оба района в то время контролировались правительством и находились на границе удерживаемых ИГИЛ территорий неподалеку от Саламии – стратегического пункта для воюющих сторон, которые боролись за контроль над провинцией Хама. В Акариб эс-Сафии и Аль-Манбудже проживают преимущественно исмаилиты – относящаяся к меньшинству община мусульман-шиитов.

45. 18 мая в 4 часа утра жители Акариб эс-Сафии проснулись от выстрелов. На улицах при попытке убежать многие из них были застрелены снайперами ИГИЛ, находившимися на водонапорной башне деревни и на крышах домов. По меньшей мере две семьи прятались в спальнях своих домов, но боевики ИГИЛ ворвались в дома и застрелили их в упор; в числе убитых были 4-месячный младенец и 11-летний мальчик. Всего погибло 52 мирных жителя, в том числе 7 женщин и 12 детей. Ранены были еще 100 человек, в том числе 2 девочки, получившие серьезные ранения в голову. Подавляющее большинство жертв относились к числу мусульман-исмаилитов. Выжившие вспоминали, что боевики ИГИЛ оскорбляли их на почве их религиозных убеждений. В ходе аналогичного нападения в Аль-Манбудже в 2015 году боевики ИГИЛ убили до 46 гражданских лиц, большинство из которых также относилось к числу мусульман-исмаилитов⁹.

46. Ранее в этом году в городе Дума (сельские районы провинции Дамаск) в обмен на захваченных правительством боевиков была освобождена группа заложников, которую удерживали более трех лет. 11 декабря 2013 года различные вооруженные группы, включая «Джейш аль-Ислам» и «Аджнад аш-Шам» (в настоящее время входит в коалицию «Файлак ар-Рахман») ворвались в поселок Адра аль-Омалия в восточной части провинции Дамаск. Боевики приказали многочисленным алавитским семьям, в том числе маленьким детям, а также некоторым исмаилитским, шиитским, друзским и христианским семьям оставаться в подвалах своих многоквартирных домов, где они фактически содержались под стражей. Затем вооруженные боевики зашли в подвалы и начали выяснять происхождение мужчин из этих семей, после чего стали запугивать некоторых мирных жителей, оскорблять их и уничижительно называть «нусайритами». Через пять-шесть месяцев «эмиры» вооруженных групп сообщили некоторым мирным жителям, что их «распределят» по различным вооруженным группировкам, поскольку они считаются военными трофеями.

47. В следующем месте заточения заложники-переселенцы рассказали, что мужчин содержали отдельно от женщин и детей, хотя «раз или два в месяц» члены «Аджнад аш-Шам» разрешали семьям видеться под их наблюдением. Задержанные женщины сообщали, что слышали, как жестоко пытали мужчин-заключенных. В августе 2014 года с одной женщиной, которой удалось избежать событий 11 декабря 2013 года в Адра аль-Омалии, связался представитель некой вооруженной группы, который назвал себя руководителем «управления заложников». Он утверждал, что ее мужа перевезли в Думу, а затем помог ей наладить связь с мужем. За следующие два с половиной года ей удалось пять раз коротко переговорить с мужем по мобильному телефону. Один раз муж прислал ей свою фотографию, на которой выглядел «сильно исхудавшим». Освобожденные заложники подтверждали, что боевики «Файлак ар-Рахман» регулярно отказывали им в питании и лечении.

48. Другие заложники, освобожденные в 2017 году, сообщали, что члены «Аджнад аш-Шам» заставляли мужчин до изнеможения рыть тоннели в осажденном городе Дума, чтобы использовать эти тоннели для снабжения восточной части Гуты (см. пункт 27 выше). Одна женщина вспоминала, что в конце августа 2016 года ее сына убили при бомбардировке правительственными войсками тоннеля, который он рыл. Некоторых мужчин также заставляли рыть ко-

⁹ См. A/HRC/30/48 и Согг.1, пункт 128.

лодцы, а пожилых мужчин освобождали от работы. В настоящее время остаются в заложниках и ожидают обмена до 100 мужчин из Адра аль-Омалии, принадлежащих к числу религиозных меньшинств. Также в заложниках удерживаются до 175 женщин и детей из Адра аль-Омалии.

IV. Воздействие конфликта на детей

49. Во всех районах Сирийской Арабской Республики дети по-прежнему несоразмерно уязвимы в ситуациях насилия и жестокого обращения. При анализе пагубного воздействия конфликта на гражданских лиц за отчетный период становится очевидно, что дети по-прежнему подвергаются самым различным формам насилия и по-прежнему лишены защиты, на которую они имеют право в соответствии с Конвенцией о правах ребенка, участником которой является Сирийская Арабская Республика. Сирийские дети страдали в результате нападения на гражданских лиц, отсутствия доступа к образованию и вербовки их в качестве детей-солдат. Так, из 179 человек, убитых в ходе нападения с применением химического оружия в Хан-Шайхуне и подрыва смертника в Ар-Рашидине, 54% составляли дети.

50. 7 марта около 9 ч. 20 м. утра воздушной бомбардировке проправительственных сил подверглась начальная школа поселка Аутая в восточной части провинции Дамаск, где в этот момент шли занятия. Восемь учениц получили ранения, одна ученица второго класса получила травму головы. Менее месяца спустя, 2 апреля, по школе вновь нанесли удар, хотя на этот раз дети не пострадали. Школа по-прежнему работает, однако родители учеников в Ауае в настоящее время отказываются отправлять детей в школу, опасаясь новых воздушных ударов. После операции с применением зарина, прошедшей 4 апреля в Хан-Шайхуне (см. пункты 72–77 ниже и приложение II) в городе пришлось закрыть пять школ, а именно школы в районах Ахмель Талан, Фарук аль-Кан, Саль ад-Давади, Аднан аль-Мальква и Тусуремм. Нападения на школы являются тяжким нарушением права на образование и серьезно подрывают будущие возможности для полноправного участия сирийских детей в жизни своих общин.

51. Комиссия продолжает получать многочисленные сообщения о том, что детей вербуют, помещают в лагеря военной подготовки, а в некоторых случаях и отправляют в районы активных боевых действий. Так, в марте 14-летний мальчик без согласия родителей вступил в ряды Демократических сил Сирии в селении Эт-Телль эль-Абьяд (провинция Ракка). В военный комиссариат Демократических сил Сирии в Эт-Телль эль-Абьяде он обратился добровольно, командиры приняли его на службу, а в начале июня его убили в бою в сельских районах Ракки. Представители Демократических сил Сирии направили родственникам мальчика извещение о его смерти, однако не разрешили его хоронить, а вместо этого сами похоронили его на кладбище для «мучеников». Кроме того, продолжают поступать многочисленные сообщения о том, что боевики ИГИЛ вербуют, подготавливают и используют детей в провинции Ракка.

V. Нападения на охраняемые объекты

A. Культовые объекты

52. Помимо умышленных нападений на религиозные меньшинства за отчетный период совершались эпизодические нападения на культурные ценности религиозного характера, что подрывало способность гражданского населения мирно отправлять свои религиозные культы. Показательным примером стала серия авиаударов, произошедшая 16 марта за несколько минут до 19 ч. 00 м., в результате которой снарядами, попавшими в одно из зданий религиозного комплекса в Аль-Джине, было убито 38 человек, в том числе 1 женщина и

5 мальчиков. Трех мальчикам было от 6 до 13 лет, двум остальным по 17 лет. Еще 26 человек были ранены, причем у многих из них диагностировано раздробление конечностей, черепно-мозговые травмы и асфиксия в результате обрушения здания. Сразу же после воздушных ударов специалисты быстрого реагирования начали спасательную операцию; тела погибших извлекались из-под завалов до следующего утра.

53. Деревня Аль-Джина расположена в сельских районах западной части провинции Алеппо, в непосредственной близости от границы с провинцией Идлиб; ее контролируют, в частности, организации «Хайат тахрир аш-Шам», «Ахрар аш-Шам» и несколько местных групп Свободной сирийской армии. 16 марта на совещании в Идлибе представители Центрального командования Соединенных Штатов выступили с заявлением о том, что «войска США нанесли воздушный удар по позициям «Аль-Каиды» (...), в результате чего убито несколько террористов»¹⁰. Впоследствии они пояснили, что в этом заявлении речь идет об авиаударе по Аль-Джине. В течение следующих дней средства массовой информации и неправительственные организации сообщали, что все пострадавшие являются гражданскими лицами, которые пришли на религиозное занятие в мечеть Умара ибн аль-Хаттаба, хотя Пентагон и отрицал, что удар производился по мечети, а погибли гражданские лица. Мечеть расположена примерно в 1,5 километрах от центра Аль-Джины, между самой Аль-Джиной и деревней Ибин. Войска Соединенных Штатов нанесли эти авиаудары, выступая в качестве членов международной коалиции.

54. 7 июня представители Центрального командования Соединенных Штатов представили краткий обзор результатов расследования этого инцидента, в том числе интервью с «десятками лиц», ни одно из которых не присутствовало в Аль-Джине во время удара¹¹. Они пришли к выводу о том, что от удара погибло одно гражданское лицо, возможно, ребенок, однако отметили, что удар был соразмерным установленной военной цели, поскольку, по их утверждениям, он был нанесен по соседнему с молитвенным залом зданию, где проходила встреча «Аль-Каиды», на которой присутствовали «региональные лидеры».

55. Представители центрального командования Соединенных Штатов заявили, что самолет F-15 сбросил 10 бомб по соседнему с молитвенным залом зданию; беспилотный летательный аппарат MQ-9 выпустил две ракеты по появившимся из здания целям; а выбор видов вооружения был обусловлен соображениями избежания сопутствующего ущерба. Они добавили, что сведения о цели отряд получил за три дня до удара, однако разработка цели началась только в день удара. Они также признали, что отряду не удалось выявить культовый характер зданий, признав это ошибкой, которую можно было бы предотвратить. Наконец, они пришли к выводу о нарушениях графика боевого дежурства отрядов, что «способствовало недостатку ситуационной осведомленности, знаний и понимания среди военнослужащих ударного подразделения»¹².

56. Основной задачей расследования событий, связанных с воздушными ударами, изначально было установление того, была ли пораженная цель законной. Комиссия собрала спутниковые изображения и снимки объекта, которые подтвердили заявление центрального командования Соединенных Штатов о том, что выбор примененного вооружения был обусловлен соображениями избежания сопутствующего ущерба. На основании обнаруженных на объекте осколков

¹⁰ См. www.centcom.mil/MEDIA/PRESS-RELEASES/Press-Release-View/Article/1121747/us-forces-strike-al-qaeda-in-syria/.

¹¹ 7 июня представители центрального командования Соединенных Штатов разместили твит-сообщение с кратким обзором своих выводов, а также провели закрытый брифинг для журналистов, который получил широкое освещение. Впоследствии одна неправительственная организация разместила в сети Интернет неофициальную стенограмму брифинга, содержание которой соответствовало сведениям, сообщавшимся средствами массовой информации.

¹² Там же.

бомб Комиссия пришла к выводу, что на подвергшееся удару сооружение было сброшено множество авиационных бомб. Анализ найденных на месте удара осколков, а также фотографий, спутниковых изображений и свидетельских показаний свидетельствует о том, что применено было не более восьми управляемых авиационных бомб GBU-39 наряду с другими снарядами. Хотя обнаруженные осколки относились только к GBU-39, глубина воронки позволяет предположить, что применены были также два 500-фунтовых высокоточных авиационных боеприпаса прямого поражения с взрывателем замедленного действия. Взрыватели замедленного действия применяются для ограничения сопутствующего ущерба: такие бомбы взрываются под землей и обрушают сооружение, однако при этом ударная волна и разлет осколков остаются локализованными.

57. GBU-39 применяется для ударов по конкретным частям зданий и представляет собой маломощную бомбу с минимальными показателями ударной волны и разлета осколков. Она была применена для уничтожения цели с минимальным сопутствующим ущербом для прилегающей территории, включая примыкающий к цели молитвенный зал. В результате последующего удара двумя ракетами «Хеллфайр» погибли два человека, которые спасались в мечети. Снаружи от объекта действительно были обнаружены осколки ракет «Хеллфайр», причем схема расположения осколков на дороге согласуется с конструкцией ракеты «Хеллфайр», вокруг боеголовки которой расположена осколочная оболочка.

58. Мечеть Умара ибн аль-Хаттаба входит в крупный комплекс культовых сооружений, который также включает в себя служебный корпус, примыкающий к молитвенному залу и используемый для религиозных собраний. По словам опрошенных, эта мечеть является самой большой в Аль-Джине и окрестных деревнях и хорошо известна в этом районе. Свидетели также указали, что авиаудары были нацелены именно на служебный корпус. Помимо залов для собраний в служебном корпусе находилась кухня, где готовили еду для верующих, а также столовая и санузлы. Опрошенные сообщили, что этот корпус является частью мечети; и действительно, подобные сооружения, обычно являющиеся учебными и социальными центрами местного уровня для верующих, крайне важны для функционирования мечетей.

59. Большинство жителей Аль-Джины, а также опрошенные Комиссией родственники пострадавших и спасатели заявили, что в тот вечер религиозное собрание проходило именно в служебном корпусе мечети. Такие собрания в мечети проходили регулярно, и посещали их сотни прихожан: каждый четверг верующие собирались на закатную молитву и религиозное занятие, за которым следовала ночная молитва и ужин. Авиаудары были нанесены по служебному корпусу примерно в 18 ч. 55 м., когда подходило к концу религиозное занятие и готовился ужин. Ночная молитва должна была начаться через 15 минут. Опрошенные рассказали, что на центр здания было сброшено несколько снарядов, в результате чего оно обрушилось внутрь. Два человека выжили, а все остальные находившиеся в кухне и санузлах люди (по оценкам, не менее 15 человек) погибли. Люди пытались выбежать через западные ворота, однако из беспилотного летательного аппарата было выпущено две ракеты, в результате чего уже на улице они были убиты.

60. В данном случае служебный корпус входил в комплекс зданий мечети и использовался для религиозных целей. По нормам международного гуманитарного права мечети являются охраняемыми объектами. Охраняемые объекты могут становиться объектом нападения только в том случае, если они используются в военных целях (что могло бы иметь место, если бы в мечети действительно проходила встреча «Аль-Каиды» с участием региональных лидеров). Однако центральное командование Соединенных Штатов не обнародовало никаких сведений в подтверждение этого утверждения. Более того, собранная Комиссией информация не подтверждает заявлений о том, что в тот момент проходила какая-либо подобная встреча. Опрошенные описали собрание как сугубо религиозное и пояснили, что его участниками по большей части были жители Аль-

Джины, причем многие из них являются внутренне перемещенными лицами; исключением были несколько жителей соседних городов, в частности Атариба.

61. Тем не менее некоторые опрошенные указали на присутствие в деревне боевиков «Хайат тахрир аш-Шам», поэтому нельзя исключать, что несколько членов этой группы могли присутствовать на собрании. В связи с этим Комиссия отмечает, что, несмотря на применение бомб с конструкцией, минимизирующей сопутствующий ущерб, американское подразделение по обнаружению целей имело недостаточное представление о фактической цели, в том числе о том, что она является частью мечети, где по четвергам собираются на молитву верующие. Кроме того, хотя информацию о цели подразделение по обнаружению целей получило за три дня до удара, за этот период не была проведена дополнительная проверка цели, которую следовало бы провести, если бы было известно, что этой целью является мечеть. На основании этого Комиссия заключает, что американские войска в нарушение норм международного гуманитарного права не приняли все возможные меры предосторожности для недопущения или сведения к минимуму случайных жертв среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и повреждения гражданских объектов.

В. Медицинские учреждения

62. С самого начала сирийского конфликта его трагическим символом сделались нападения на медицинские учреждения и медицинских работников. В контролируемых оппозицией районах многие больницы и клиники в стремлении защитить медико-санитарную инфраструктуру, медицинских работников и пациентов были перемещены под землю и работают в бетонных подвалах, а иногда и в горных пещерах. «Пещерные больницы» обычно расположены на окраинах сирийских городов, вдали от любых зданий и сооружений. Хотя такие меры призваны обеспечить дополнительную защиту, время от времени продолжают поступать сообщения об умышленных нападениях на подземные и пещерные больницы.

63. В марте и апреле, когда сирийские и российские силы участвовали в налетах с целью установить контроль над городами Кафр-Зейта, Мурек и Аль-Латаминах – единственными городами на севере провинции Хама, которые контролируются «Хайат тахрир аш-Шам» и вооруженными группами, резко возросло число воздушных ударов по медицинским учреждениям на севере провинции Хама и на юге провинции Идлиб. Эти удары были нанесены незадолго до применения сирийскими силами химического оружия в том же районе, а затем и вскоре после него (см. пункты 69–70 и 72–77 ниже), в связи с чем пострадавшие от химической атаки не смогли получить необходимого лечения. В ходе одной из этих атак проправительственные силы применили хлор, в ходе другой – кассетные зажигательные боеприпасы. Комиссия ранее сообщала о том, что проправительственные силы применяют такое оружие для ударов по медицинским учреждениям и медицинским работникам в восточной части Алеппо¹³.

64. Во второй половине дня 5 марта авиаудар был нанесен по подземной больнице Аш-Шам в городе Кафр-Набаль на юге провинции Идлиб, в результате чего обрушились два этажа здания, был выведен из строя генератор и ранен один работник больницы. Опрошенные вспоминали, что в тот момент больница уже не работала по причине авиаудара, нанесенного 25 февраля, и отмечали, что в противном случае число жертв среди гражданского населения было бы значительно выше. 25 марта примерно в 13 ч. 00 м. вертолет сирийских военно-воздушных сил сбросил бочковую бомбу на больницу Аль-Латамнех, в результате чего погибло трое мужчин из числа мирного населения – хирург и два пациента, а еще несколько сотрудников и пациентов получили ранения. Переданные Комиссии фотографии остатков боеприпасов указывают на то, что приме-

¹³ См. A/HRC/34/64, пункты 33–35.

нена была самодельная бомба с хлором. При падении бомбы свидетели слышали лишь очень слабый шум, а затем из нее начал вырываться зеленовато-желтый дым с сильным запахом моющих средств. Описанные пострадавшими симптомы подтверждают версию о применении хлора: в результате нападения повреждения получили по меньшей мере 32 человека, причем у большинства было обнаружено раздражение горла и глаз, затрудненное дыхание, тошнота и пена во рту. Один из опрошенных заявил, что в числе пострадавших было несколько членов вооруженных групп. В связи с этим Комиссия отмечает, что применение химического оружия запрещено при любых обстоятельствах, даже при наличии военной цели.

65. 2 апреля на государственную больницу Маарат ан-Нуман было сброшено не менее трех авиабомб со взрывателем замедленного действия (см. приложение II, пункт 15). Через два дня авиаудар был нанесен по медицинскому пункту Ар-Рахма в Хан-Шайхуне (см. приложение II, пункты 17–18). 7 апреля авиаудары были нанесены по клинике в Хейше на юге провинции Идлиб, причем один свидетель рассказал, что сбросивший бомбы самолет также сбросил и более мелкие снаряды, часть которых попала в дизель-генератор клиники; в результате начавшегося пожара клинику пришлось эвакуировать и переместить в другое место. Судя по фотографиям остатков боеприпасов на клинику была сброшена кассетная бомба ShOAB-0.5, а также кассетные зажигательные бомбы. 22 апреля около 14 ч. 00 м. был произведен авиаудар по пещерной больнице в Абдине, на юге провинции Идлиб, в результате чего погибли семь человек, в том числе ожидающая операции 6-месячная девочка. Также были убиты ее родители, медсестра и три других пациента. 28 апреля около 16 ч. 00 м. авиаудару подверглось хирургическое и родильное отделение больницы в Кафр-Зайте, в результате чего здание получило повреждения. 29 апреля в 02 ч. 00 м. по больнице был нанесен новый авиаудар с прямым попаданием в отделение скорой помощи, что повлекло за собой экстренную эвакуацию всех пациентов и их транспортировку в единственную оставшуюся больницу Кафр-Зайты, находящуюся в пещере. Позднее в тот же день, около 14 ч. 00 м., третий авиаудар окончательно разрушил здание больницы, в которой ранее рождалось более 100 детей в месяц. На спутниковых снимках видны повреждения больницы в результате воздушного удара, для которого, вероятно, было применено 250-килограммовое взрывное устройство; кроме того, снимки указывают на то, что несколько бомб упало в непосредственной близости от объекта.

66. Число и частота нападений на медицинские учреждения, в частности неоднократные бомбардировки одних и тех же учреждений и постоянное отсутствие предупреждений, явно указывают на то, что проправительственные силы в рамках своей военной стратегии продолжают преднамеренно избирать в качестве мишени именно такие объекты, что составляет военное преступление в виде умышленного нанесения ударов по охраняемым объектам¹⁴. Кроме того, преднамеренные нападения на медицинских работников составляют военное преступление в виде умышленного нападения на медицинский персонал. Нанесенный 25 марта удар с применением хлора по больнице Аль-Латамнеха является нарушением Конвенции о запрещении химического оружия. Комиссия вновь заявляет, что применение химического оружия запрещено в соответствии с нормами обычного международного гуманитарного права вне зависимости от наличия действительной военной цели, в том числе в тех случаях, когда оно применяется против вражеских войск, поскольку воздействие такого оружия по своему характеру является неизбирательным и направлено на причинение чрезмерных повреждений и излишних страданий.

¹⁴ См. A/HRC/27/60, пункты 109–111. A/HRC/33/55, пункты 42–65; и A/HRC/34/64, пункты 30–40. См. также: Independent International Commission of Inquiry on the Syrian Arab Republic, “Human rights abuses and international humanitarian law violations in the Syrian Arab Republic, 21 July 2016–28 February 2017”, paras. 15–19. Доступно по адресу www.ohchr.org/Documents/Countries/SY/A_HRC_34_CRP.3_E.docx.

VI. Применение химического оружия

67. В период с марта 2013 года по март 2017 года Комиссия зарегистрировала 25 случаев применения химического оружия в Сирийской Арабской Республике, 20 из которых были совершены правительственными силами и направлены в основном против гражданского населения¹⁵. За отчетный период правительственные силы также применили химическое оружие против гражданских лиц в городах Хан-Шайхун, Аль-Латамнех (приблизительно в 11 километрах к югу от Хан-Шайхуна) и в восточной части Гуты.

68. В то время как Хан-Шайхун и Аль-Латамнех контролируются организациями «Хайат тахрир аш-Шам», «Ахрар аш-Шам» и различными группами Свободной сирийской армии, восточная часть Гуты в основном контролируется организациями «Джаиш аль-Ислам» и «Файлак ар-Рахман». В момент применения химического оружия в Хан-Шайхуне и Аль-Латамнех сирийские и российские силы проводили налет на позиции «Хайат тахрир аш-Шам» и других вооруженных групп на севере провинции Хама и на юге провинции Идлиб.

69. 30 марта около 6.30 утра – через пять дней после удара сирийских сил по больнице в Аль-Латамнехе с применением хлора (см. пункт 64 выше) – неопознанный самолет сбросил две бомбы на поле, находящееся к югу от деревни Аль-Латамнех. Опрошенные рассказывали, что первая бомба упала практически бесшумно, однако из нее начало распространяться «ядовитое вещество» без особого запаха, тогда как вторая бомба разорвалась с громким звуком. В результате первого взрыва пострадали по крайней мере 85 человек, у которых наблюдалось затрудненное дыхание, потеря сознания, покраснение глаз и нарушения зрения. В числе пострадавших были 12 мужчин – сельскохозяйственных работников, находившихся в 300 м от точки удара, причем 2 из них были несовершеннолетними. Впоследствии плохо себя почувствовали также девять медицинских работников, которые лечили пациентов без применения средств индивидуальной защиты.

70. Хотя Комиссия не может точно определить вещество, от которого 30 марта пострадали люди, некоторые опрошенные описали определенные симптомы (в том числе очень слабый пульс у одного пациента, сужение зрачков, удушье, тошноту и спазмы у другого), указывающие на отравление фосфорорганическим соединением, например пестицидом или отравляющим веществом нервно-паралитического действия. Отсутствие характерного запаха хлора в сочетании с вторичным отравлением медицинских работников, которые лечили пострадавших, подтверждает вывод о том, что применен был не хлор, а другой токсичный химикат. С учетом налетов, которые в то время проводили сирийские и российские силы в этом районе, отсутствия указаний на то, что российские силы когда-либо применяли химическое оружие в Сирийской Арабской Республике¹⁶, и неоднократного применения химического оружия сирийскими военно-воздушными силами имеются достаточные основания для вывода о том, что 30 марта химическое оружие в Аль-Латамнехе применили именно сирийские военно-воздушные силы.

71. В рамках наступательных действий правительственных сил, направленных на полную осаду Барзы, Тишрина и Кабуна (см. приложение III, пункт 3), во второй половине дня 29 марта с позиций правительственных войск было выпущено три ракеты, целью которых стал жилой район в центральном муниципальном округе Кабуна, вблизи больницы Аль-Хайат, а также соседние районы

¹⁵ См. A/HRC/23/58, пункты 136–140; A/HRC/27/60, пункты 115–118; A/HRC/28/69, пункты 15 и 43–44; A/HRC/30/48 и Corr.1, пункт 39; A/HRC/33/55, пункт 30; и A/HRC/34/64, пункты 17, 34–35, 39 и 52–56. См. также Independent International Commission of Inquiry on the Syrian Arab Republic, “Human rights abuses and international humanitarian law violations in the Syrian Arab Republic, 21 July 2016 – 28 February 2017”, paras. 49–51.

¹⁶ См. A/HRC/34/64, пункт 17.

Тишрина. Из одной ракеты в Кабуне вырвалось белое облако; свидетели сообщали о распространении газа с сильным запахом бытового хлора. Пострадали 35 человек, включая одну женщину и двух детей. У пострадавших проявлялись симптомы воздействия хлора, включая затрудненное дыхание, кашель и насморк. Пациенты в наиболее тяжелом состоянии получали лечение кортизолом и кислородом. 7 апреля, вскоре после полудня, в больницу Аль-Хайат поступило двое мужчин с более умеренными проявлениями тех же симптомов. За первую неделю июля правительственные силы трижды применили хлор при нападении на позиции боевиков «Файлак ар-Рахман» в Дамаске: 1 июля в районе Айн-Тарма, 2 июля в районе Замалька и 6 июля в районе Джобар. Такие симптомы, как покраснение глаз, гипоксия, ринорея, спастический кашель и выделение мокроты из бронхов, наблюдались в общей сложности у 46 боевиков.

72. Утверждения о самом опасном за отчетный период случае применения сирийскими войсками химического оружия относились к событиям в Хан-Шайхуне. Ранним утром 4 апреля в открытых источниках начали появляться сообщения о том, что в ходе авиаударов по городу был применен зарин. По сообщениям, десятки мирных жителей были убиты и еще сотни пострадали. Российские и сирийские должностные лица отрицали факт применения сирийскими войсками химического оружия, пояснив, что 11 ч. 30 м. утра авиаударам сирийских сил подвергся склад химического оружия террористов.

73. С целью установления фактов, связанных с этими утверждениями, 7 апреля Комиссия направила Постоянному представителю Сирийской Арабской Республики при Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве и специализированных учреждениях в Швейцарии вербальную ноту с запросом информации от правительства. На момент подготовки доклада ответа получено не было. Комиссия провела 43 беседы со свидетелями, потерпевшими, работниками служб экстренного реагирования и медицинскими работниками. Кроме того, Комиссия собрала спутниковые изображения¹⁷, фотографии остатков бомб, отчеты о раннем предупреждении и кадры видеосъемки района, по которому предположительно были нанесены авиаудары. Комиссия также приняла к сведению выводы доклада Организации по запрещению химического оружия о результатах ее миссии по установлению фактов¹⁸. Ниже приводится резюме выводов Комиссии, которые в полном объеме приведены в приложении II.

74. По словам опрошенных и согласно отчетам о раннем предупреждении, около 6 ч. 45 м. утра самолет «Сухой 22» (Су-22) нанес четыре авиаудара по Хан-Шайхуну. Такие самолеты имеются только в распоряжении военно-воздушных сил Сирии¹⁹. Комиссия установила, что применены были три обычные бомбы, вероятно OFAB-100-120, и одна химическая бомба. Свидетели вспоминали, что падение последней бомбы сопровождалось меньшим шумом и меньшим количеством дыма, чем других. На фотографиях остатков боеприпасов можно опознать авиационную бомбу, относящуюся к классу, который производился в бывшем Советском Союзе.

75. От разрыва химической бомбы погибли не менее 83 человек, включая 28 детей и 23 женщин; ранения получили 293 человека, в том числе 103 ребенка. На основе проб, полученных в ходе вскрытия тел погибших и взятых от выживших лиц, проходящих лечение в одной из соседних стран, сотрудники миссии по установлению фактов Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) сделали вывод о том, что пострадавшие подверглись воздействию

¹⁷ Анализ спутниковых изображений предоставлен Программой по применению спутниковой информации в оперативных целях. Доступно по адресу www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/IICISyria/Pages/IndependentInternationalCommission.aspx.

¹⁸ Доступно по адресу www.opcw.org/fileadmin/OPCW/Fact_Finding_Mission/s-1510-2017_e.pdf.

¹⁹ См. Independent International Commission of Inquiry on the Syrian Arab Republic, "Human rights abuses and international humanitarian law violations in the Syrian Arab Republic, 21 July 2016-28 February 2017", para. 27.

зарины или схожего с зарином вещества. Обстоятельная информация о симптомах, проявлявшихся у пострадавших, которую отдельно собрала Комиссия, указывает на их соответствие симптомам отравления зарином.

76. Респонденты отрицали наличие склада оружия в районе падения химической бомбы. Комиссия считает крайне малой вероятность того, что в результате авиаудара может произойти выброс зарины, потенциально хранящегося внутри подобной конструкции, причем в количествах, достаточных для гибели такого числа людей. Во-первых, если бы подобный склад был разрушен авиаударом, большая часть находящегося в здании химиката сгорела бы в результате взрыва или распространилась бы по завалам и абсорбировалась, а не была бы выброшена в больших количествах в атмосферу. Во-вторых, на сегодняшний день в здании оставалось бы сильное загрязнение, однако фактические данные, подтверждающие это, отсутствуют. В-третьих, предложенное российскими и сирийскими должностными лицами описание событий не объясняет время появления пострадавших — за много часов до того момента, когда, по словам российских и сирийских должностных лиц, был нанесен удар.

77. С учетом вышеизложенного Комиссия пришла к выводу о наличии веских оснований полагать, что 4 апреля около 6 ч. 45 м. утра сирийские войска сбросили на Хан-Шайхун бомбу с зарином, что составляет сразу два военных преступления: применение химического оружия и неизбирательные нападения на районы проживания гражданского населения. Кроме того, применение зарины Сирийской Арабской Республикой является нарушением Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении, а также резолюции 2118 (2013) Совета Безопасности.

VII. Текущие расследования

78. В связи с продолжающимся наступлением Демократических сил Сирии и международной коалиции с целью отбросить силы ИГИЛ от города Ракки Комиссия серьезно обеспокоена вопросами защиты гражданских лиц в провинции Ракка. Многочисленные районы провинции были быстро освобождены, однако при этом более 190 000 гражданских лиц были перемещены в контролируемые Демократическими силами Сирии районы на севере провинции Ракка, где большинство из них разместили в лагерях Айн-Иса и Мабрука. В обоих лагерях не хватает ресурсов и возможностей для надлежащего приема всех этих людей. Жизнь еще почти 60 000 мирных жителей города Ракка по-прежнему находится в серьезной опасности по причине ежедневных авиаударов. Проблемой остается и обеспечение защиты в ходе собеседований.

79. В настоящее время Комиссия проводит расследование в связи с рядом сообщений об авиааналетах в Ракке, в том числе об авиаударе по деревне Эль-Мансура, в то время удерживаемой ИГИЛ, в результате которого, по сообщениям, погибло до 200 гражданских лиц. Комиссия собрала достоверную информацию о том, что в ночь на 21 марта авиаудар был нанесен по школе Аль-Бадиа в Эль-Мансуре, в помещениях которой с 2012 года проживали внутренне перемещенные лица. Во время удара в этом здании бывшей школы, расположенном примерно в 1,5 км от деревни, находилось более 200 человек — главным образом перемещенные семьи из Пальмиры, Хомса, а также Хамы и Алеппо. Некоторые из жертв прибыли совсем недавно, в частности из Мескены и Алеппо, тогда как другие внутренне перемещенные лица проживали там в течение нескольких лет. Авиаудар был нанесен в ночное время, когда люди спали. Погибли почти все люди, находившиеся в то время в школе, а немногочисленные выжившие, в том числе женщины и дети, получили тяжелые ранения. Согласно имеющейся информации, ранее в школе проживали по меньшей мере две семьи боевиков ИГИЛ, однако за месяц до удара они уехали.

80. После наступательной операции с целью освободить от боевиков ИГИЛ город Манбидж (Алеппо) Демократическим силам Сирии потребовалось значительное подкрепление, чтобы подготовиться к освобождению города Ракка. Необходимость расширения «личного состава» привела к всплеску принудительной мобилизации, которая коснулась тысяч гражданских лиц, главным образом мужчин и мальчиков, и сопровождалась арестами не желавших служить лиц. Проводится расследование.

VIII. Выводы

81. Жертвами сирийского конфликта в подавляющем большинстве случаев по-прежнему является гражданское население по всей территории страны, а наиболее беззащитными перед лицом насилия до сих пор остаются дети и внутренне перемещенные лица. Соглашение о деэскалации, достигнутое в мае в Астане, привело к заметному сокращению масштабов военных действий и, в свою очередь, к уменьшению числа жертв среди гражданского населения, прежде всего в провинции Идлиб и западной части провинции Алеппо, а в последнее время и в южных провинциях Дераа, Эль-Кунейтра и Эс-Сувейда. Хотя такое уменьшение создает основу для установления более универсального режима прекращения огня, условия его осуществления необходимо оперативно согласовать и эффективно применять; как показали предыдущие договоренности о прекращении огня, задержки в их осуществлении подрывают устойчивость любого подобного соглашения и усиливают риск того, что гражданские лица вновь окажутся в опасности.

82. На всей территории Сирийской Арабской Республики воюющие стороны продолжали устанавливать блокады и использовать гуманитарную помощь как средство принуждения к капитуляции. Условия местного перемирия в городах Фуах и Кафрая, Мадая и Эз-Забадани, а также в Барзе, Кабуне и Тишрине включали в себя соглашения об эвакуации, которые привели к насильственному перемещению гражданского населения из этих районов.

83. На протяжении всего отчетного периода «Хайат тахрир аш-Шам», ИГИЛ и члены других вооруженных групп совершали нападения на представителей религиозных меньшинств путем подрыва автомобилей, использования террористов-смертников или снайперов и захвата заложников. В Ар-Рашидине жертвами подрыва автомобиля стали внутренне перемещенные лица из ранее осажденных городов Фуах и Кафрая, где проживают мусульмане-шииты: погибли 96 человек, в том числе 68 детей. После этого нападения десятки человек пропали без вести, причем не менее 17 гражданских лиц были взяты в заложники вооруженными группами.

84. Не менее четырех раз правительственные войска незаконно применяли химическое оружие. В ходе самого серьезного инцидента в Хан-Шайхуне сирийские военно-воздушные силы применили зарин, в результате чего погибли десятки людей, большинство из которых составляли женщины и дети. В результате налета проправительственных сил на окрестности Хан-Шайхуна было разрушено множество медицинских учреждений, что усугубило страдания жертв химической атаки с применением зарина. Кроме того, в провинциях Идлиб, Хама и в восточной части Гуты сирийские войска в качестве оружия применяли хлор.

85. В удерживаемых ИГИЛ районах гражданские лица по-прежнему остаются крайне беззащитными перед лицом насилия. Так, в Ракке в результате продолжающегося наступления Демократических сил Сирии и международной коалиции с целью отбросить от города силы ИГИЛ удалось оперативно освободить многочисленные районы города. По сообщениям, в результате авиаударов было убито и ранено значительное число граждан-

ских лиц. Кроме того, в результате наступательной операции было перемещено 190 000 человек, многие из которых в настоящее время проживают в опасных условиях. Проводится расследование.

IX. Рекомендации

86. В дополнение к нижеприведенным рекомендациям Комиссия вновь напоминает о рекомендациях, вынесенных в ее предыдущих докладах.

87. Комиссия рекомендует всем воюющим сторонам:

а) немедленно снять осаду всех объектов и прекратить проведение стратегий, направленных на принуждение к капитуляции и затрагивающих в первую очередь гражданских лиц, включая действия, обрекающие людей на голод, и отказ в доступе к гуманитарной помощи, продовольствию, воде и медикаментам;

б) провести эвакуацию из осажденных районов в соответствии с нормами международного гуманитарного права и резолюцией 2328 (2016) Совета Безопасности, согласно которым эвакуация гражданских лиц должна быть добровольной и проводиться в конечные пункты назначения по их выбору, причем должна быть обеспечена защита всех эвакуированных гражданских лиц, в том числе посредством достойного обращения с ними и недопущения страха причинения вреда;

в) воздержаться от заключения в будущем соглашений об эвакуации, влекущих за собой насильственное перемещение гражданского населения в политических целях;

г) обеспечить надлежащую защиту всех внутренне перемещенных лиц и гарантировать право на возвращение внутренне перемещенных лиц и беженцев, в том числе путем обеспечения их безопасности и гарантирования прав собственности;

д) воздержаться от нападений на культурные и исторические объекты в случае, если они не используются в военных целях, и активно содействовать сохранению этих объектов;

е) безоговорочно запретить вербовку детей и их использование в военных действиях и гарантировать эффективную защиту прав ребенка, включая право на доступ к образованию;

ж) принимать все возможные меры предосторожности в целях сведения к минимуму ущерба для гражданского населения при проведении операций в районах его проживания, в частности при наступательной операции в Ракке и контролируемых ИГИЛ районах;

з) провести расследования действий своих военных подразделений и предать гласности их выводы.

88. Комиссия рекомендует правительству Сирийской Арабской Республики:

а) немедленно прекратить применение химического оружия, в том числе таких боевых отравляющих веществ, как хлор и зарин, которые в силу своего состава причиняют чрезмерные повреждения и излишние страдания;

б) в соответствии со своими обязательствами по обычному международному гуманитарному праву и резолюцией 2286 (2016) Совета Безопасности прекратить нападения на медицинские учреждения, медицинский персонал и транспорт;

с) обеспечить, чтобы все действующие и будущие законодательные акты, регулирующие правовые и административные вопросы, относящихся к отдельным гражданским лицам, в том числе в связи с правами собственности, соответствовали нормам международного права прав человека, беженского права и международного гуманитарного права, а также были в равной степени доступны для всех сирийцев с уделением особого внимания всем внутренне перемещенным лицам и беженцам;

d) предоставить Комиссии доступ в страну.

89. Комиссия рекомендует антиправительственным вооруженным группам:

a) в соответствии с нормами обычного международного гуманитарного права прекратить умышленные нападения на гражданских лиц, в том числе лиц, принадлежащих к религиозным меньшинствам;

b) воздерживаться от похищения людей и захвата заложников, а также действий, равносильных насильственному исчезновению;

с) принять безотлагательные меры по поддержанию дисциплины или освободить от должности виновных в таких действиях лиц, находящихся под их командованием.

90. Комиссия рекомендует международному сообществу:

a) в соответствии со своими обязательствами по соблюдению и обеспечению соблюдения Женевских конвенций, касающихся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, воздерживаться от предоставления сторонам конфликта оружия, финансирования или иной поддержки в случаях, когда имеются основания полагать, что такая поддержка может быть использована для совершения нарушений международного гуманитарного права, а также ратифицировать договоры, способствующие соблюдению международного гуманитарного права и международного права прав человека при передаче вооружений, в частности Договор о торговле оружием;

b) воздерживаться от принятия или осуществления любых односторонних санкций (односторонних принудительных мер), которые являются незаконными и препятствуют полному осуществлению прав человека сирийским народом в соответствии с резолюцией 68/162 Генеральной Ассамблеи (2013), и обеспечить, чтобы любые законные санкции, за необходимыми исключениями, применялись исключительно таким образом, чтобы свести к минимуму их воздействие на оказание гуманитарной помощи;

с) поощрять усилия по обеспечению привлечения к ответственности, в том числе путем активной поддержки учреждения международного беспристрастного и независимого механизма для содействия проведению расследований в отношении лиц, которые несут ответственность за наиболее серьезные преступления по международному праву, совершенные в Сирийской Арабской Республике с марта 2011 года, в соответствии с резолюцией 71/248 Генеральной Ассамблеи.

91. Комиссия рекомендует Совету по правам человека поддержать вынесенные рекомендации, в том числе посредством препровождения настоящего доклада Генеральному секретарю для доведения его до сведения Совета Безопасности в целях принятия надлежащих мер, а также в рамках официальной процедуры представления докладов Генеральной Ассамблеи и Совету Безопасности.

92. Комиссия рекомендует Генеральной Ассамблее поддержать ее рекомендации и предоставить Комиссии возможность проводить регулярные брифинги.

93. Комиссия рекомендует Совету Безопасности:

- а) поддержать ее рекомендации;
- б) включить проведение Комиссией регулярных брифингов в официальную повестку дня Совета Безопасности;
- в) использовать свое влияние на соответствующих субъектов и заинтересованные стороны в целях обеспечения всеобъемлющего и всеохватного мирного процесса, при котором будет гарантироваться надлежащее соблюдение прав человека и международного гуманитарного права.

Annex II

Inquiry into allegations of chemical weapons used in Khan Shaykhun, Idlib, on 4 April 2017

I. Initial reports and allegations

1. On the morning of 4 April, public reports emerged that shortly after sunrise a series of airstrikes were launched on Khan Shaykhun, a town in southern Idlib which borders northern Hama. Khan Shaykhun is controlled by armed groups including Ahrar al-Sham and Hay'at Tahrir al-Sham (HTS), an umbrella coalition of extremist factions led by terrorist group Jabhat Fateh al-Sham (previously Jabhat al-Nusra). Throughout the day, news outlets and social media reported that dozens of civilians had died and hundreds of residents were suffering from symptoms consistent with exposure to sarin. The allegations would amount to the first sarin attack in the Syrian Arab Republic since 21 August 2013 when approximately 1,000 people were killed in Ghouta due to sarin exposure. Some hours later, between 11.30 and 1.30 p.m., the al-Rahma medical point and civil defence centre in Khan Shaykhun, which neighbour each other, were reportedly hit by airstrikes while treating patients of the alleged sarin attack. The al-Rahma medical point served as the main trauma facility in Khan Shaykhun.

II. Statements by Russian and Syrian authorities

2. During the course of the day on 4 April, Russian and Syrian authorities made public statements concerning the events in Khan Shaykhun. Both denied the involvement of Syrian forces in the alleged sarin attack suggesting instead that terrorist groups were responsible. The Ministry of Defence of the Russian Federation released a statement saying that the Syrian air force had struck a terrorist depot in Khan Shaykhun between 11.30 a.m. and 12.30 p.m., and that the depot included workshops where chemical warfare munitions were produced.¹ The Syrian Army issued a statement denying it had used chemical agents in Khan Shaykhun and that responsibility for the attack lied with militants.²

3. Syrian and Russian officials continued to make statements after 4 April. At a press conference on 6 April, the Syrian Minister of Foreign Affairs repeated the Russian Federation Ministry of Defence claim by saying that the Syrian “army attacked an arms depot belonging to Jabhat al-Nusra chemical weapons”. He denied that Government forces had used chemical weapons instead explaining that the first airstrike carried out by Syrian forces in Khan Shaykhun on 4 April was at 11.30 a.m.³ Subsequently, during an interview on 13 April, President Bashar al-Assad denied that the Syrian army had used sarin and said that the allegations were fabricated, noting “the West, mainly the United States, is hand-in-glove with the terrorists. They fabricated the whole story in order to have a pretext for the attack [on the Shayrat

¹ Facebook post titled “Russian Defence Ministry comments on the destruction of a depot with terrorists’ chemical weapons near Khan Sheikhun carried out by the Syrian aviation”, posted by the Russian Federation Ministry of Defence on 4 April 2017, available at https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1903432043232876&id=1492252324350852.

² *Syrian Army rejects claims of chemical weapons use in Idlib, blames militants*, SPUTNIK NEWS, 4 April 2017, available at <https://sputniknews.com/middleeast/201704041052292018-syrian-army-idlib-militants-chemical-weapons>.

³ *Live: Syrian FM Walid al-Moallem, holds press conference in Damascus*, YOUTUBE, video clip uploaded on 6 April 2017, available at <https://www.youtube.com/watch?v=AcaF1vC8SPA>.

airbase]”. He added that “[i]f they said that we launched the sarin attack from that airbase, what happened to the sarin when they attacked the depots?”⁴, suggesting the Syrian army’s deployment concept for sarin relied on the storage of the agent itself.⁵ Finally, President al-Assad took the position that Khan Shaykhun is not a strategic area and that the Government does not have army or battles there.⁶ On 2 May, the Russian Federation Ministry of Defence said that Soviet ammunition KHAB-250 was never exported outside of the USSR and was never filled with sarin.⁷

III. Methodology

4. To establish the facts surrounding these allegations, the Commission sent a note verbale on 7 April to the Permanent Representative of Syrian Arab Republic to the United Nations requesting information from the Government. At the time of writing, no response has been received. The Commission conducted 43 interviews with eyewitnesses, victims, first-responders, medical workers, and persons who visited the site after the attack. It also collected satellite imagery,⁸ photographs of bomb remnants, early warning reports, videos of the area allegedly impacted by the airstrikes, and reviewed photographs and videos of victims depicting symptoms. The Commission took into account the findings of OPCW report on the results of its Fact-Finding Mission (OPCW FFM).⁹ Taken as a whole, this body of information allowed the Commission to reach the narrative of events and findings below.

IV. Khan Shaykhun’s location

5. Khan Shaykhun, a town controlled by armed groups and HTS, is located along the M5 highway. The M5, often described as the most important highway in Syria, connects the country’s major cities including Damascus, Homs, Hama, and Aleppo, all of which are currently controlled by Government forces. Owing to its location, warring parties have fought for control over Khan Shaykhun since the early days of the conflict.

6. In March, the area was viewed as having increased strategic value as armed groups and HTS successfully attacked Government positions in Hama. Government forces reacted by carrying out a counter-offensive in southern Idlib, including in Khan Shaykhun, and the neighbouring towns of Kafr Zeita, Murek, and Al-Latamneh in northern Hama. If successful, this offensive would give Government forces control over the only pocket in northern Hama controlled by armed groups and HTS.

⁴ Statement in response to the United States airstrike of 7 April against the Shayrat airbase in Homs.

⁵ Information published by the OPCW about the materials declared by the Syrian Arab Republic as part of its chemical weapons stockpile contradicts this statement. *See* OPCW documents EC-M-34/DG.1 of 25 October 2013, EC-M-34/DEC.1, para. 2(a)(ii) of 15 November 2013, EC-M-36/DG.4 of 17 December 2013.

⁶ *AFP Interview President Assad on chemical attack*, YOUTUBE, 13 April, 2017, available at <https://www.youtube.com/watch?v=3WyVIhDgM9c>. Transcript of the interview available at <https://www.thepeninsulaqatar.com/article/13/04/2017/Transcript-of-exclusive-AFP-interview-with-Syria-s-Assad-1>.

⁷ Ministry of Defence: Ammunition HUB 250 has never been exported and were not filled with sarin, RUSSIAN REALITY, 2 May 2017, available at <https://rusreality.com/2017/05/02/ministry-of-defence-ammunition-hub-250-has-never-exported-and-were-not-filled-with-sarin>.

⁸ UNOSAT satellite imagery analysis uploaded on the webpage of the Commission at www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/IICISyria/Pages/IndependentInternationalCommission.aspx.

⁹ *OPCW Note by the Technical Secretariat, Report of the OPCW Fact-Finding Mission in Syria Regarding an Alleged Incident in Khan Shaykhun, Syrian Arab Republic*, April 2017 (hereinafter: “OPCW FFM report”), S/1510/2017, 29 April 2017, available at https://www.opcw.org/fileadmin/OPCW/Fact_Finding_Mission/s-1510-2017_e_.pdf.

Interviewees confirmed that in the days leading up to 4 April, numerous airstrikes impacted towns around the area of Khan Shaykhun. The Commission has also investigated and made findings on several incidents using airdropped munition which took place in the area in March and April, including through the use of chemical weapons in Al-Latamneh,¹⁰ and attacks on hospitals in southern Idlib and northern Hama.¹¹ The latter severely impacted the level of medical care which victims of chemical attacks received.

V. The events of 4 April

7. On the morning of 4 April, the sky was clear. At 6.26 a.m., early warning observers¹² reported that two Sukhoi 22 (Su-22) aircraft had taken off from Shayrat airbase, at least one of which was heading in the direction of Khan Shaykhun. Shayrat is a military airbase in Homs located approximately 120 kilometres south of Khan Shaykhun, and has been used by the Syrian air force throughout the conflict to launch attacks on Homs and Hama. Since late 2015, it is also used as a base by Russian forces. The Commission notes that two individuals interviewed by the OPCW claimed that on the morning of 4 April the early warning system did not issue warnings until 11 to 11.30 a.m., and that no aircraft were observed until that time.¹³ The Commission has not gathered any information to support this claim, but rather the opposite, as detailed below. Eyewitnesses explained seeing a plane over Khan Shaykhun at around 6.45 a.m., and numerous interviewees recalled hearing messages from the early warning system 20 minutes prior to the strikes. As further examined below (paras. 17-18), 11.30 a.m. was the time when the al-Rahma medical point in Khan Shaykhun was attacked by airstrikes including cluster incendiary munitions, though not chemical weapons.

8. At around 6.45 a.m., interviewees recalled seeing an aircraft flying low over Khan Shaykhun, which is consistent with the airspeed of the aircraft and the distance that needed to be covered. In the span of a few minutes, the aircraft, identified by interviewees as a Su-22, made two passes over the town and dropped four bombs. The Su-22 is easy to recognise, and difficult to mistake for anything else. Recognition features include a single vertical stabilizer, swing-wings, and flat intake mounted in the nose.¹⁴ Satellite imagery, photographs, and video footage corroborate witness accounts that air delivered munitions hit the impact points of the four bombs. As previously found by the Commission, only the Syrian air force uses Su-22s,¹⁵ an aircraft which has no night-time capability. The Russian Federation and the international coalition do not operate this type of aircraft. It is therefore concluded that the Syrian air force carried out airstrikes on Khan Shaykhun at around 6.45 a.m. on 4 April.

9. Three of the bombs created loud explosions, causing damage to buildings though apparently only one casualty. Based on crater analysis and satellite imagery, the Commission was able to identify three conventional bombs, likely OFAB-100-120, and the remaining a chemical bomb. The chemical bomb landed in the middle of a street in a northern neighbourhood of Khan Shaykhun, approximately 150 meters from al-Yousuf park, close to a bakery and a grain silo, which interviewees explained was not operational and unused for any purpose after having been hit by an airstrike in 2016. Eyewitnesses further recalled how this bomb made less noise and produced less smoke than the other three bombs, which is confirmed by video footage of the attack. Photographs of the impact site show a hole, too small to be considered a crater, and the remnants of what appears to have been a Soviet-era

¹⁰ A/HRC/36/55, paras. 69-70.

¹¹ A/HRC/36/55, paras. 63-65.

¹² Early warning observers comprise civilians who monitor aircraft flights to provide other civilians with advance warning prior to an airstrike.

¹³ OPCW FFM report, paras. 5.27-5.29.

¹⁴ A/HRC/34/CRP.3, para. 26.

¹⁵ A/HRC/34/CRP.3, para. 27.

chemical bomb. The small hole is indicative of a weapon which used a contact fuze and small burster to deploy chemical agents, with the kinetic energy of the bomb's body creating most of the hole. Two parts of the bomb were found at the site, a large piece of the weapon body marked in green for chemical payload and a filler cap for chemical weapons. Although the Commission is unable to determine the exact type of chemical bomb used, the parts are consistent with sarin bombs produced by the former Soviet Union in the 250kg-class of bombs, which would have approximately 40kg of sarin, depending on the munition used.

10. The weather conditions at 6.45 a.m. of 4 April were ideal for delivering a chemical weapon. Data based on historical weather forecasts indicates that the wind speed was just over three kilometres per hour from the southeast, that there was no rain and practically no cloud cover, and that the temperature was around 13 degree Celsius.¹⁶ The OPCW FFM, in the absence of actual weather data recorded for Khan Shaykhun and instead relying on actual weather data recorded at three other locations in the area, concluded that the wind speed was low with uncertain direction, most likely coming from somewhere between the south and east. All available data indicates stable atmospheric conditions without significant turbulence. Under such conditions, the agent cloud would have drifted slowly downhill following the terrain features at the location (roads and open spaces), in a southerly and westerly direction. This is consistent with the observed locational pattern of individuals becoming affected by the agent cloud.

11. The chemical bomb released a cloud which spread over a distance between 300 and 600 metres from the impact point and killed at least 83 persons, including 28 children and 23 women. One interviewee said that most of those severely affected, including many who died, were within 200 meters to the south and west from the impact point of the bomb, while most of the ones less seriously injured were further away. Many of the deceased victims were buried in Khan Shaykhun.

12. Some of the victims died in bed and their bodies were not found until later on 4 April. A single mother who was out farming returned home to find all her four children dead. The body of one orphaned girl was found the following day. Also on 5 April, one interviewee found the body of a woman and her six children in a basement, where they had apparently tried to take shelter from the gas released by the chemical bomb. Another interviewee described how, on the way to his family's home, he witnessed people dying in the street and children desperately crying for the help of their parents. When he arrived at the house, he found his niece dead and his two sisters struggling to breathe. He lost consciousness shortly afterwards and woke up in hospital where he learned his sisters had died. In total, 293 persons, including 103 children, were injured. Medical practitioners expressed particular concern over parturient women and the effects that the toxic agent posed to their unborn babies. A lack of access to adequate medical equipment however prevented doctors from establishing whether foetuses were affected.

13. Upon learning of the airstrikes, civil defence teams from Khan Shaykhun and from neighbouring Heish went on location to assist in rescue efforts. They were unaware at the time of the possibility of the release of a chemical agent so they did not carry respirators or other protective equipment. Several fell ill upon arrival to the scene, and at least two died. When they realised a chemical agent may have been present, rescuers warned incoming teams of first-responders who carried respirators with them. Some of those using respirators reported that, despite this protection, they too felt affected by the gas. First-responders removed the clothes from victims, washed them with water, and provided them with oxygen masks. Several medical workers said that first-responders may have inadvertently exposed victims to additional quantities of sarin by removing the clothes on their upper bodies over their neck instead of cutting them off. By removing their clothes this way, victims would have inhaled sarin as the clothes passed by their mouths and noses.

¹⁶ See, e.g., *Khan Sheikhoun, Idlib Historical Weather, Syria*, available at <https://www.worldweatheronline.com/khan-sheikhoun-weather-history/idlib/sy.aspx>.

14. After washing the victims, first-responders used ambulances, cars, and motorbikes to transport victims to several medical facilities in the area, with the al-Rahma medical point in Khan Shaykhun receiving approximately 80 victims. Others were taken to the al-Salam and al-Watany hospitals in Maarat al-Numaan, the Oday hospital in Saraqeb, and hospitals and clinics in Areeha, Ma'arat Misrin, Jarjnaz, Maar Shurin, Abdeen, Tal Minnes, Kafr Nabl, Banesh, Idlib city, Adnan Kewan, Haas, and Bab al-Hawa. Overall, these facilities were ill-equipped to deal with victims of chemical attacks other than chlorine — an issue compounded by the large number of victims and the severity of the symptoms from which they suffered.

15. Moreover, just one and a half days before the attack, on the evening of 2 April, Syrian and/or Russian forces carried out airstrikes which directly hit the Maarat al-Numan National Hospital, using at least three delayed fuse aerial bombs. The attacks against the hospital destroyed its upper floors where the inpatients room and intensive care unit were located. Most of the hospital's equipment, including incubators, were also destroyed. The Maarat al-Numan hospital, located 24 kilometres north of Khan Shaykhun, is described by medical staff as the main hospital in the area and the one which could have more adequately dealt with cases of patients exposed to chemical agents. Before the strikes, it employed 300 staff including 20 doctors and over 100 nurses, some of which had received training to treat victims of chemical agents and who subsequently trained their colleagues. The hospital also contained large stocks of atropine, hydrocortisone, diazepam, and oxygen concentrators. As a result of the airstrike, the hospital could only treat some 15 victims of the 4 April chemical attack. One victim who was seriously injured by the gas released by the chemical bomb noted that first-responders took him to Maarat al-Numan National Hospital because they were unaware the hospital had been struck two days earlier. The hospital was unable to treat him, and he was subsequently transferred to another hospital.

16. Depending on what the healthcare facilities had available on 4 April, victims of the sarin attack were given atropine to help reactivate their heart rates, and pralidoxime to reverse chemical poisoning, though several medical staff reported that most hospitals did not have the latter or only had it in small quantities. Doctors noted that most of the existing pralidoxime had expired because, after the 2013 attack in Ghouta and the subsequent removal and destruction of Syria's chemical weapons by the Joint Mission of the United Nations and the OPCW in 2013 and 2014, it was announced that chemical weapons such as sarin no longer existed in Syria. For these reasons, hospitals ceased planning for these types of attack. In the absence of alternatives, doctors administered the expired pralidoxime to patients. Owing to the high number of casualties, several hospitals ran out of atropine and requested other medical facilities to provide them with additional medication. To help them breathe, many of the victims were intubated and, where available, placed in respirators. At least 31 persons were taken from medical facilities in the Syrian Arab Republic to hospitals in a neighbouring country, where at least three subsequently succumbed to their injuries and passed away. Several medical workers noted that the combination of lack of appropriate and sufficient medication, overall shortage of staff, extremely reduced capability of Maarat al-Numan National Hospital, and consequent need to take patients to more distant health-care facilities all contributed to the overall high number of fatalities.

17. Al-Rahma medical point and the neighbouring civil defence centre operate from caves in the mountains, located approximately two kilometres from the centre of Khan Shaykhun. Rescuers took many of the victims directly from the area affected to al-Rahma where at least 25 persons died. Several interviewees explained that al-Rahma was not prepared to treat victims of chemical attacks but that patients were only taken there because it was the closest medical facility. Throughout the morning of 4 April, after the 6.45 a.m. airstrikes, interviewees saw drones over the skies in Khan Shaykhun and between 11.30 a.m. and 1.30 p.m., a series of airstrikes directly impacted the medical point and the civil defence centre, which were treating patients of the chemical attack. Airstrikes in Khan Shaykhun were reported until 4.00 p.m. Eyewitnesses further noted that the airstrikes which struck al-Rahma were

conducted by jetfighters. As a result of the attack, the al-Rahma medical point was forced to transfer all intensive care patients to other hospitals without ventilators. Due to the lack of sufficient ambulances, many patients were transferred in civilian vehicles.

18. Interviewees further detailed that the medical point was struck at least three times over the span of a few minutes. One of the strikes destroyed the only external building of the medical point and several ambulances. Another strike hit the hospital's upper floor and its warehouse destroying some equipment. Though there were no fatalities from the attack, some medical staff and patients sustained minor injuries. Photographs provided to the Commission show the main building and surrounding area were struck by aerial bombs. The building sustained a direct hit from at least one blast weapon and several shallow craters pockmark the site. Additionally, burned out remnants of what appear to be ZAB 2.5SM cluster incendiary munitions were found in scorched grasses dotting the area. In view of the fact that the Commission has previously documented Syrian and/or Russian air forces having used cluster incendiary munitions,¹⁷ that international coalition forces do not use these type of munitions, and that Russian and Syrian officials acknowledged that at the time of the strike, between 11.30 a.m. and 13.30 p.m., the Syrian air force conducted airstrikes in Khan Shaykhun, the Commission finds that there are reasonable grounds to believe that either Syrian and/or Russian forces conducted the airstrike against the al-Rahma medical point.

VI. The use of sarin

19. Sarin is a synthetic, odourless liquid nerve agent which can be dispersed in air as an aerosol. Upon release, the agent cloud drifts with the wind as well as following terrain features. Unprotected humans will experience both external contamination (skin, hair, clothing), and absorb the agent via inhalation and via the skin. The symptoms of sarin poisoning vary depending on the dose received (page 32), though a classic symptom is miosis (extreme contraction of the pupils). In severe cases, the symptoms include cramps, muscular contraction, seizures, severe pain, and severe respiratory distress; the cause of death is asphyxiation by blockage of the lung muscles as well as the respiratory centre in the central nervous system. The agent or its characteristic biomarkers can be detected in biomedical samples collected from victims for some time (several days in the case of urine, and weeks in the case of blood or other tissue samples collected from survivors or during autopsies). The agent, its characteristic degradation products, and certain impurities contained in the agent mixture can also be found in environmental samples taken from the impact area.

20. According to the OPCW report,¹⁸ the OPCW FFM attended the autopsies of three alleged victims in a neighbouring country one day after the alleged attack, and visited ten patients in three hospitals four days later to retrieve biomedical samples for analysis. It also conducted several interviews: one patient and one treating physician were interviewed during the hospital visit on 8 April, and subsequent interviews with two patients who had tested positive for sarin exposure were conducted on 31 May and 1 June, respectively. The OPCW FFM also received environmental and biological-environmental samples collected by non-governmental organisations at the alleged incident location, as well as additional biomedical samples collected at medical facilities in opposition-controlled areas. In addition, the OPCW FFM collected information from the Syrian Government during two visits to Damascus, and visited the Scientific Studies and Research Centre (SSRC) in Barza where it received environmental samples and metal fragments from the impact area which the SSRC had previously analysed.

¹⁷ A/HRC/34/64, paras. 14, 59-60; A/HRC/34/CRP.3, paras. 59-60.

¹⁸ OPCW FFM report, paras. 3.16, 3.52-3.53, 3.64, and 4.7-4.9.

21. While the Commission was unable to collect or test bio-medical and environmental samples, it notes that based on bio-medical samples obtained during autopsies and from individuals undergoing treatment in a neighbouring country the OPCW FFM found that these individuals were exposed to sarin or a sarin-like substance. The OPCW FFM witnessed the acquisition of these biomedical samples and applied chain of custody procedures to demonstrate sample authenticity and integrity, and the analysis was undertaken by two independent Designated Laboratories, both of which have previously demonstrated their competence for this type of analysis in official OPCW Proficiency Tests. This analysis found that the tissue samples collected from the three victims (blood, brain, hair, lung and liver tissue) who had died contained (with the exception of one hair sample) characteristic biomarkers demonstrating the exposure of the victims to sarin or a sarin-like substance. The analytical findings were consistent with the autopsy reports, which had concluded that the cause of death in all three cases had been exposure to a toxic gas.

22. Bio-medical samples of seven of the 10 persons undergoing treatment in the neighbouring country showed that they, too, were exposed to sarin or a sarin-like substance. These analytical findings were consistent with the clinical symptoms observed. Furthermore, the OPCW FFM was able to confirm by comparative DNA analysis that two individuals who had been the source of blood samples taken in Syria without the OPCW FFM team present were identical to two patients who had given blood samples in the neighbouring country in the presence of the OPCW FFM team. The Designated Laboratory results of the biomedical samples taken from these two patients on both occasions were consistent, and showed exposure to sarin or a sarin-like nerve agent. This DNA test together with the laboratory findings confirms that there was a link between the individuals from whom biomedical samples were taken in the neighbouring country in the presence of the OPCW FFM, the site of the alleged attack, and the witness testimony.

23. Taken together, the epidemiological data available, the clinical symptomatology reported, the laboratory results of autopsy and biomedical samples taken from alleged victims, and the identity confirmation of two individuals samples of whom had been collected in the presence of the OPCW FFM subject to full chain of custody procedures as well as in biomedical samples collected at medical facilities in Khan Shaykhun¹⁹ leave no doubt that sarin or a sarin-like agent had been released in Khan Shaykhun on 4 April, and that it killed or injured these victims.

24. The OPCW FFM could not independently verify the provenance of the additional samples it received from third parties. It attempted to corroborate the information about the collection of these samples by testimony and by verifying accompanying documents including photographs and videos taken at sample collection. The OPCW FFM reported that, although it was not in a position to categorically verify the entire chain of custody of these samples, the testimony and documentation submitted alongside the samples provided a good degree of confidence.

25. The analysis of biomedical specimen received from the Khan Shaykhun Medical Centre (blood, liver tissue, lung tissue, and hair samples taken at autopsies from three fatalities) undertaken by two OPCW Designated Laboratories confirmed exposure to sarin or a sarin-like substance.

26. The results of the analyses of the additional environmental samples (animal parts, vegetation, and soil from the impact area) showed chemical signatures consistent with a release of sarin or a sarin-like nerve agent: the presence of primary and secondary degradation products of sarin in environmental samples; fluoride regeneration of sarin and the detection of a tyrosine adduct in biological samples confirming the exposure of the dead animals to sarin or a sarin-like agent; and the

¹⁹ OPCW FFM report, paras. 5.90-5.95.

detection of by-products of sarin synthesis and certain other characteristic impurities in the environmental samples.²⁰

27. The OPCW FFM also received environmental samples (soil, metal fragments, bone, vegetation, and extracts) from the Syrian government, together with a video recording of the sample collection. An unnamed volunteer from Khan Shaykhun had reportedly provided these samples to the Syrian authorities, and the samples had been analysed by the SSRC Barza. The OPCW analysed these samples at its central laboratory in Rijswijk, the Netherlands. Results of the analyses by the two laboratories (OPCW and SSRC) were broadly consistent, showing the presence of sarin and impurities related to sarin synthesis and characteristic degradation products. Both laboratories also found hexamine in some of the samples.²¹ The presence of hexamine was not further explained by the OPCW FFM, but the chemical had also been found in environmental samples collected 2013 after the Ghouta incident. Two competing explanations have been offered in the past to explain the presence of hexamine — either the chemical might indicate the use of an artisanal explosive (RDX) for agent dispersion, or it had been used in the sarin synthesis as an acid scavenger. While the former explanation cannot be ruled out, the latter would be consistent with the chemicals declared by Syria in 2013 to the OPCW as part of their chemical weapons stockpile,²² as well as with the process used in the past by the Syrian army for employing sarin (binary synthesis shortly before use without subsequent purification of the agent for long-term storage).

28. The Commission has independently gathered extensive information which, in the aggregate, strongly supports the claim that the victims were exposed to sarin or a sarin-like substance. Apart from the fact that none of the victims was observed to have wounds or visible injuries, the symptoms reported are consistent with those suffered by persons exposed to an organophosphorus chemical such as sarin. Those include: foaming from the mouth and nose, contracted pupils, respiratory difficulties, coughing, blue lips, pale or yellow skin, loss of consciousness, dizziness, convulsions, vomiting, paralysis, and diminished heartbeat. First-responders and medical staff recalled suffering from headaches, nausea, congested chests, and blurred vision after treating patients. Five weeks after 4 April, at least four interviewees were still experiencing some of these symptoms.

29. Most of the interviewees at the scene when the agent cloud was released or who arrived on location shortly thereafter stated they did not notice any particular smell, which is consistent with the fact that sarin is odourless. Some interviewees, however, reported a “bad smell”. One interviewee described it as similar to drainage or waste water, while another said it resembled a strong insecticide. It should be noted that there is a fair degree of variability in the sensitivity of humans to smell, so such discrepancies are not unusual. It is also apparent from the analytical results of the environmental samples that the agent released into the atmosphere contained a number of impurities (several phosphor-organic compounds, hexamine, fluorinated compounds), which would explain the insecticide-like or otherwise bad smell perceived by some witnesses.

VII. Findings

30. The extensive body of information gathered by the Commission indicates that a Syrian Su-22 conducted four airstrikes in Khan Shaykhun at approximately 6.45 a.m. on 4 April. Photographs of remnants taken at the sites along with satellite

²⁰ OPCW FFM report, paras. 5.99-5.102.

²¹ OPCW FFM report, paras. 5.103-5.106.

²² *OPCW request for expression of interest (EOI)*, initially posted on the OPCW website on 20 November 2013, EOI reference OPCW/CDB/EOI/01/20913, OPCW document S/1142/2013 of 22 November 2013. This EOI listed chemicals from the declared Syrian chemical weapon stockpile and included binary chemical weapons components as well as 80 metric tonnes of hexamine.

imagery corroborate eyewitness testimony identifying the impact points of the four aerial bombs. Eyewitnesses and early warning reports identified the aircraft as a Su-22, which only the Syrian air force operates.

31. The Commission identified three of the bombs as likely OFAB-100-120 and one as a chemical bomb. Interviewees consistently stated that this latter bomb produced less noise and less smoke than the other three, and that it released a gas which spread over a distance between 300 and 600 meters. Photographs of remnants provided to the Commission by interviewees further indicate an aerial chemical bomb was employed. Further, weather conditions at 6.45 a.m. on 4 April were ideal for delivering a chemical weapon. The wind speed was just over three kilometres per hour, with no rain and practically no cloud cover. Under such conditions, the agent cloud would have drifted slowly downhill following the terrain features at the location (roads and open spaces), in a southerly and westerly direction.

32. At least 83 persons, including 28 children and 23 women, were killed, and an additional 293 persons including 103 children were injured after being exposed to gas released by the chemical bomb. Based on bio-medical samples obtained during autopsies and from individuals undergoing treatment in a neighbouring country, the OPCW FFM found that these individuals were exposed to sarin or a sarin-like substance. Information gathered by the Commission from victims, eyewitnesses, and medical personnel on the symptoms suffered by victims is also consistent with exposure to sarin. None of the victims had wounds or visible injuries, and all experienced a combination of the following symptoms: foaming from the mouth and nose, contracted pupils, respiratory difficulties, coughing, blue lips, pale or yellow skin, loss of consciousness, dizziness, convulsions, vomiting, paralysis, and diminished heartbeat.

33. In its investigation, the Commission considered and investigated all potential scenarios, including claims put forward by Russian and Syrian officials. The Commission has not, however, found any evidence to support the claim that HTS or armed groups had a weapons depot in the area where the chemical bomb impacted. Satellite imagery shows damage to a structure at a nearby grain silo which could correlate with the area where the victims of the sarin release were found, though the silo and a nearby bakery were empty following airstrikes last year. Furthermore, the Russian Federation Ministry of Defence and the Syrian Minister of Foreign Affairs argue that the weapons depot was hit between 11.30 a.m. and 12.30, while the evidence laid out above overwhelmingly indicates that the sarin gas was released at around 6.45 a.m.

34. Though the Commission cannot discount the possibility that interviewees did not acknowledge the existence of a weapons depot out of fear of retaliation or out of loyalty to HTS or armed groups, it notes that it is extremely unlikely that an airstrike against such a depot could release sarin stored inside that structure in amounts sufficient to explain the numbers of casualties recorded. First, if there had been such a sarin weapons depot destroyed by an airstrike, the explosion would have burnt off most of the agent inside the building or forced it into the rubble where it would have been absorbed, rather than released in significant amounts into the atmosphere. Second, the facility would still be heavily contaminated today, for which no evidence exists. Third, the scenario suggested by the Russian Federation Ministry of Defence and the Syrian Minister of Foreign Affairs does not explain the timing of the appearance of victims of sarin exposure — well before the time, 11.30 a.m., that the Russian Federation Ministry of Defence and the Syrian Minister of Foreign Affairs provided for the attack. Finally, the impurities identified in the environmental samples analysed by the OPCW indicate that the released agent had not been purified. This rules out long-term storage of large amounts of sarin, which would have required agent purification. If, on the other hand, the facility had stored the precursor materials for sarin, an explosive destruction would not have released sarin into the air. Moreover, had there been sarin production going on at the time of the attack, the amount of agent would have been small and almost all of the agent would have been burnt off or ended up as local contamination though not in the atmosphere.

— some agent release into the atmosphere in such a scenario cannot be ruled out but it would not nearly be sufficient to explain the number of casualties.

35. In view of the above, the Commission finds that the claim that airstrikes hit a depot producing chemical munitions or that the attack was fabricated are not supported by the information gathered. On the contrary, all evidence available leads the Commission to conclude that there are reasonable grounds to believe Syrian forces dropped an aerial bomb dispersing sarin in Khan Shaykhun at around 6.45 a.m. on 4 April. The use of chemical weapons is unequivocally banned under international humanitarian law. The use of sarin in Khan Shaykhun on 4 April by Syrian forces constitutes the war crimes of using chemical weapons and indiscriminate attacks, and violation of the prohibition on the use of weapons designed to cause superfluous injury and unnecessary suffering. The manufacture, storage, and use of sarin also violates the Chemical Weapons Convention and Security Council resolution 2118 (2013).

36. As noted above, the Commission further investigated the airstrikes which impacted Khan Shaykhun after 11.30 a.m. It found that these airstrikes struck the al-Rahma medical point while it was functioning solely as a civilian healthcare facility treating victims of the chemical attack. Based on the fact that the medical point was struck with cluster incendiary munition, which only Syrian and Russian air forces use, and that Russian and Syrian officials acknowledged that after 11.30 a.m. the Syrian air force conducted airstrikes in Khan Shaykhun, the Commission finds that there are reasonable grounds to believe that either the Syrian and/or Russian forces conducted the airstrike against the al-Rahma medical point. By bombing the al-Rahma medical point, which also destroyed ambulances, Syrian and/or Russian forces committed the war crimes of deliberately attacking protected objects, and intentionally attacking medical personnel and transport.

Characteristics of sarin²³

S/1510/2017
Annex 5
page 78

Annex 5

CHARACTERISTICS OF NERVE AGENTS AND SARIN

Properties of Nerve Agents

Sarin belongs to a group of organophosphorus chemical warfare agents called nerve agents, which are chemically and structurally related to organophosphorus pesticides. They are absorbed by inhalation, ingestion or through the skin. For volatile nerve agents such as sarin, inhalation is considered to be the primary route of entry.

In their purest form, nerve agents are colourless and odourless liquids, however colouration can vary from pale yellow to dark brown depending on the level of impurities present. Sarin is one of the more volatile nerve agents and evaporates at a similar rate to water. It breaks down fairly quickly in the presence of water (hydrolysis) to give characteristic breakdown products.

Nerve agents are particularly toxic when absorbed by inhalation, but can be absorbed following ingestion, dermal, or eye contact.

Nerve agent vapour is denser than air and therefore has a tendency to accumulate in low-lying areas.

Effects on Humans

Nerve agents exert their toxic action through the sustained inhibition of the enzyme acetylcholinesterase (AChE). When AChE is inhibited, it is unable to break down the neurotransmitter acetylcholine (ACh). This causes a build-up of neurotransmitter at the nerve synapse which in turn causes excessive stimulation of the nervous system.

Nerve Agent absorbed through lungs or skin causes cramps, muscular contraction, seizures and severe pain, the effects on diaphragm is to lock the lungs in place, causing asphyxiation and subsequently death.

Local effects such as miosis (pin point pupils), may occur in the absence of systemic poisoning.

Dependent on the concentration exposed to and the duration of the exposure, nerve agents can cause the following symptoms:

- Mild symptoms include headache, nausea, miosis, blurred vision, tearing (lachrymation) and painful eyes; runny nose, excess salivation, sweating, muscle weakness and agitation, chest tightness.
- Moderate symptoms include dizziness, disorientation and confusion, sneezing coughing and/or wheezing, marked drooling and excess mucous production, vomiting and diarrhea, marked weakness, difficult in breathing.
- Severe symptoms include severe respiratory distress, pulmonary oedema, convulsions, ventricular arrhythmias, unconsciousness, involuntary urination or defecation.

Medical treatment and antidotes

- Atropine: antagonises the effects of ACh, it is particularly effective in decreasing secretions and treating bradycardia (slow heart beats).
- Oximes: reactivation of inhibited enzymes, thereby decreasing the amount of excess ACh.
- Diazepam: Central Nervous System protector, useful to control agitation and convulsions.

--- 0 ---

²³ OPCW FFM report, Annex 5.

Annex III

Life under siege and truces

1. In the Damascus countryside mountain town of Madaya, the Commission first documented Government forces using starvation as a weapon of war in late 2015.¹ Government forces alongside Hizbullah encircled Madaya in June 2015 as part of a military offensive against the neighbouring town of Zabadani, tightening their siege around Madaya in September, and imposing a complete blockade on goods into Madaya, Zabadani, and neighbouring Bqine. Anti-personnel landmines were used to trap civilians inside Madaya, while pro-Government snipers shot at those attempting to reach the water spring in Bqine, including young children. By December 2015, residents in Madaya resorted to eating grass, leaves, and cats which religious leaders were forced to officially sanction as permissible (*halal*). Others recalled drinking boiled water seasoned with salt and cumin for breakfast and dinner to stave off hunger pangs.

2. In March 2015, armed groups primarily under the Jaish al-Fatah formation overtook Idlib city and laid siege to the predominantly Shi'a towns of Fu'ah and Kafraya. They immediately cut-off water and electricity to the besieged population. Though Government forces were occasionally able to airdrop aid, armed groups only allowed humanitarian aid convoys to enter the enclaves sporadically over the previous over two years, leaving up to 20,000 individuals in a perilous situation. Hospitals and clinics had no supplies, which led to some women dying while giving birth. The United Nations, International Committee of the Red Cross (ICRC), and Syrian Arab Red Crescent (SARC) were last granted access to deliver humanitarian assistance to Madaya and Bqine, and Fu'ah and Kafraya in 14 March 2017, though aid had not been granted prior to that since November 2016.

3. Similarly, in the eastern Damascus municipalities of Barza, Tishreen, and Qabun, Government forces intensified an aerial campaign in February, decimating large swathes of civilian infrastructure. By mid-March, they recaptured segments of a road between Barza, Qabun, and Tishreen, severing any connection between the neighbourhoods, and, by May, fully besieged all three areas whereafter no humanitarian aid was allowed to enter any of the neighbourhoods. One interviewee in Qabun recalled the shortage of food, noting civilians "did not even have dried bread to eat".

4. In order to draw an end the crippling effects of these sieges, a truce initially negotiated in September 2015 was implemented in April this year concerning Madaya and Zabadani (Damascus countryside), and Fu'ah and Kafraya (Idlib), collectively known as the "Four Towns" agreement. Similarly, in May, local truces were implemented in Barza, Tishreen, and Qabun (eastern Damascus). All truces have been finalised in either oral or written forms, and, while the terms of each are unique to the besieged locality surrendering, details provided by interviewees reveal numerous similarities between them which have been observed over the period under review.

5. The "Four Towns" agreement was entered into between Hay'at Tahrir al-Sham and Ahrar al-Sham on the side of terrorist and armed groups, and Hizbullah, Iran, and Qatar on the other. Elements of the agreement included: the departure of fighters and an unspecified number of civilians from Madaya, Zabadani, and Bloudan towards Idlib (though the Commission notes at least 5,000 left); departure of up to 8,000 pro-Government forces and civilians and from Fu'ah and Kafraya; exchange of prisoners and corpses; and the release of 1,500 detainees by Government forces, primarily women. The agreement also included evacuation of fighters from Yarmouk camp (Damascus), among other details.

6. Local truces in Barza, Tishreen, and Qabun were all negotiated between Government forces and armed groups, sometimes with the assistance of local council members, and implemented in May. In Barza, the initiative to negotiate a local truce

¹ A/HRC/31/68, paras. 120 and 129; *see also* International Committee of the Red Cross (ICRC), *Customary International Humanitarian Law*, 2005, Volume I: Rules, at Rule 53.

stemmed primarily from the 1st Brigade of Damascus (a Southern Front affiliated armed group). It stipulated that fighters would surrender heavy weapons, and that a set number of the population would leave to Idlib. In Tishreen, virtually the same conditions were applied, though the entire civilian population was to evacuate. In Qabun, the local truce was negotiated between Government forces and armed group leaders together with local council delegates. The agreement was orally agreed to, and stipulated that fighters would surrender heavy weapons, all tunnels leading to eastern Ghouta would be closed, and all civilians and fighters would evacuate to Idlib. Though negotiations over prisoner exchanges occurred in some cases, such exchanges were ultimately not carried out in these three municipalities.
